Воспоминанія И. В. Е. отъ дѣтства до смерти. (1841—1869 г.).

Правдивый и искренній разсказъ о жизни человѣка отъ его дѣтства до возмужалаго возраста представляетъ обыкновенно много поучительнаго и интереснаго. Такимъ разсказомъ являются „*Воспоминанія*“ бывшаго въ шестидесятыхъ годахъ XIX столѣтія и преждевременно скончавшагося преподавателя-инспектора Пинской, а затѣмъ Бѣлостокской гимназіи *И. В. Е.*

Съ возрастомъ въ индивидуумѣ смѣняются, незамѣтно для него самого, его интересы, стремленія, воззрѣнія. Дитя интересуется не тѣмъ, что интересуетъ юношу или возмужалаго человѣка, и наоборотъ. Такую смѣну читатель замѣчаетъ и въ „Воспоминаніяхъ“.

Описывая свою личную жизнь, авторъ не вольно изображаетъ и ту среду, то общество, въ которомъ ему приходилось жить и дѣйствовать.

Такимъ образомъ „Воспоминанія“ представляютъ для читателя интересъ психологическій, педагогическій и бытовой.

Издатель.

I. Дѣтство и ученіе въ Рѣчицкомъ приходскомъ училищѣ.

28 мая 1841 года я родился и 28 мая я окончилъ гимназію; 3 іюня меня крестили и 3 іюня я окончилъ университетъ, какое стеченіе обстоятельствъ. Въ одинъ день я явился на свѣтъ и явился членомъ общества, т. е. сдѣлался гражданиномъ его; тоже: въ одинъ день я сдѣлался причастнымъ святынѣ истины и святынѣ познанія и усовершенствованія.

Жизнь свою я началъ тѣлесными страданіями, которыя заставили сомнѣваться въ возможности моего существованія, но докторъ, принявшій участіе въ моемъ мученіи, уничтожилъ сомнѣніе родныхъ, предсказывая мнѣ быть его послѣдователемъ въ общественной дѣятельности, но предсказанія его не сбылись. Я принялъ другой путь, идя по которому, я долженъ стремиться къ осуществленію своего назначенія, какъ человѣка и какъ члена общества, среди котораго мнѣ пришлось жить.

Я былъ дитя — и жилъ какъ дитя. Я не понималъ жизни и не понималъ своего значенія въ мірѣ. Я помню то блаженное время, когда постоянная беззаботная улыбка довольства сіяла на моемъ лицѣ, и только иногда смѣнялась слезою, вызванною невозможностью удовлетворить моему капризу. Но явленіе слезы у ребенка однозначно съ явленіемъ росы передъ восходомъ солнца, столь быстро исчезающей дѣйствіемъ первыхъ лучей дневного свѣтила. Когда мнѣ было три года, я былъ взятъ бабушкой въ деревню. Здѣсь жизнь моя казалась мнѣ тогда раемъ. Нѣжная привязанность старушки заставляла ее удовлетворять моимъ дѣтскимъ прихотямъ. Я помню два случая, въ которыхъ проявилась моя дѣтская гордость и вмѣстѣ съ тѣмъ безсознательное выраженіе чувства моего личнаго достоинства. Однажды мнѣ велѣли поздороваться способомъ, свойственнымъ ребенку (поцѣловать руку), съ одной женщиной. Бросивъ на нее испытующій взглядъ и замѣтивъ ея грубую наружность и простоту костюма, я, вмѣсто исполненія приказанія, сказалъ ей дерзость, соотвѣтствующую моему возрасту и понятію. Этотъ мой поступокъ не понравился какъ повелителямъ, такъ и ожидавшей отъ меня исполненія приказанія, и я былъ наказанъ лишеніемъ удовольствія быть въ ихъ обществѣ, что мнѣ сильно было по душѣ, ибо этого я желалъ бы получить вмѣсто награды. Другой же случай былъ

слѣдующій. На шестомъ году я былъ отданъ для обученія одной дамѣ или дѣвицѣ (этого не помню). Наружныя качества ея еще и теперь не изгладились у меня изъ памяти. Она была высокаго роста, стройная, красивая лицомъ и довольно молода. Она принялась меня учить азбукѣ. Первые уроки были очень удачны, и своими успѣхами я приводилъ въ восторгъ свою наставницу. Ежедневныя похвалы сыпались на мою голову, и ежедневно я получалъ отъ бабушки подарки за свои успѣхи. Но этому положенію суждено было существовать не долго. Однажды, сидя за азбукой, я сильно задумался. Мысленно я перенесся въ прошедшее, передо мной, какъ сновидѣніе, явились съ своими увлекательными для младенца видами дни моей безграничной и ничѣмъ не прерываемой рѣзвости, столь ощутительной и картинной въ ребяческомъ возрастѣ. Разгорѣвшееся дѣтское воображеніе сдѣлало мой слухъ нечувствительнымъ къ словамъ моего ментора. Она приказывала и заставляла, а я безмолвствовалъ; я весь былъ, казалось, далеко отъ того мѣста, гдѣ передо мной лежала отвратительная для меня въ эту минуту азбука, и гдѣ такъ безплодно исчезали въ воздухѣ слова моей наставницы, терявшей уже хладнокровіе и терпѣніе. Я радъ бы былъ, если бы открылся случай ускользнуть изъ этой обители премудрости, которая была для меня душна и невыносима. Случая ожидать долго мнѣ не пришлось: менторъ мой, раздосадованный моимъ невниманіемъ, нарушивъ приличіе, ударилъ меня по рукѣ. Этого было достаточно, чтобы вызвать бурныя слезы обиды, которыя провели меня до самыхъ дверей безпрепятственно.

Возвратившись домой, я не замедлилъ разсказать все случившееся бабушкѣ и представить оное въ сколь возможно большихъ размѣрахъ. Одной слезы, явившейся на моемъ лицѣ, достаточно было, чтобы произвести на старушку сильное вліяніе и заставить ее избавить меня отъ начатыхъ мною занятій и доставить мнѣ возможность наслаждаться прежнею жизнью и попрежнему пѣть и веселиться, подобно птичкѣ, выпущенной случайно изъ клѣтки на волю. Съ этой минуты со мной снова сроднилось спокойствіе и прежнее ученіе—мученіе, вмѣстѣ съ пріобрѣтенными познаніями, почерпнутыми изъ области знанія моей учительницы, исчезло. Итакъ, первая попытка неудачна, и щепь науки не привита.

Все окружавшее меня представлялось для меня совершенствомъ. Я наслаждался всѣмъ, что только болѣе или менѣе могло доставить мнѣ удовольствіе. Внимательный взоръ старушки предугадывалъ всѣ мои желанія. Но это положеніе моей жизни

не долго продолжалось. Насталъ урочный день, въ который мнѣ объявили о моемъ выѣздѣ въ г. Р. Это извѣстіе поразило меня сильнѣе молніи, и слезы градомъ полились изъ глазъ. Мнѣ казалось прежде, что никакая сила не въ состояніи разлучить меня съ тѣмъ мѣстомъ, къ которому я привязался всею душою, и вдругъ я долженъ былъ повиноваться одному слову и безпрекословно садиться на повозку, которая стремилась умчать меня далеко отъ оставляемаго мѣста и разлучить меня съ нимъ навсегда. Когда лошади, повинуясь голосу извозчика, тронулись съ мѣста, я бросилъ печальный взоръ назадъ и, находясь подъ гнетомъ тяжелаго настроенія и тоски, уснулъ.

Меня привезли въ Р., въ домъ родителей. Я не узналъ мать и отца и былъ дикъ и угрюмъ, но потомъ немного освоился съ своимъ положеніемъ. Ласки матери успѣли вызвать привязанность къ ней, и по истеченіи нѣкотораго времени, я успѣлъ сблизиться съ братомъ и сестрою, и ихъ присутствіе возвратило мнѣ прежнюю веселость и покой. Я даже хладнокровно и съ улыбкой дѣтской прощался съ бабушкой, и выѣздъ ея былъ для меня неощутителенъ.

Дома мало-по-малу начали меня осваивать съ необходимостью возобновить ученіе, и лестныя фразы вызвали во мнѣ энергичное стремленіе къ ученію. Меня опредѣлили въ приходское училище, въ первый классъ. Ревностное занятіе съ самаго начала подавало большую надежду. По просьбѣ родителей, учитель обращалъ на меня особенное вниманіе. Но энергія моя скоро угасла.

Во мнѣ появилась лѣность, побуждавшая часто обманывать самого учителя, который, не замѣтя во мнѣ странной перемѣны, всегда довѣрялъ моимъ дѣтскимъ увѣреніямъ. Но время открыло глаза моему педагогу. Онъ началъ слѣдить за моими поступками и успѣлъ отгадать во мнѣ проявленіе худого начала. Съ этого времени отношенія его ко мнѣ перемѣнились, онъ сталъ обходиться со мною самымъ жестокимъ образомъ, въ надеждѣ силою своей власти и своими жестокими пріемами искоренить развивавшуся во мнѣ лѣность и побудить меня къ ревностнымъ трудамъ. Но все было напрасно. Я нѣсколько успѣвалъ, благодаря способностямъ, но не трудамъ. Внимательный педагогъ, замѣтивъ во мнѣ большія способности, требовалъ отъ меня много, а въ результѣ выходило всегда мало. Все это было причиною того, что я пробылъ въ первомъ классѣ три года, въ продолженіе которыхъ я едва успѣлъ достигнуть возможности перейти во второй классъ. Тогда мнѣ было всего девять лѣтъ.

Во второмъ классѣ я совершенно перемѣнился. Успѣхами своими я превзошелъ всѣхъ, кто хотѣлъ только соперничать со мной. Многое я выигрывалъ здѣсь памятью. Я помню, что часто только слушая то, что училъ мой старшій братъ, я всегда безъ затрудненія могъ отвѣчать учителю заданное. Или: мнѣ стоило только со вниманіемъ выслушать разсказъ учителя, чтобы все имъ сказанное усвоить памятью. Во мнѣ возродилось самолюбіе. Я радовался своему перевѣсу надъ другими товарищами по классу и всегда старался поддержать оный, что мнѣ всегда и удавалось безъ труда.

Въ классѣ, подвергаясь строгости учителя, мы вели себя чинно и всегда притворялись кроткими овечками, но, выйдя за ограду заведенія, мы не пропускали случая, открывающаго намъ возможность сдѣлать какую-либо продѣлку. Какъ извѣстно, въ приходское училище поступаютъ дѣти разныхъ сословій; насъ дворянъ было только пятеро. Мы образовали отдѣльный кружокъ, не проникаемый для прочихъ, и дружно отстаивали всякую свою шалость, которая всегда дѣлалась сообща. Этотъ нашъ союзъ и эта общность дѣйствій до такой степени были прочны и всегда соблюдаемы, что учитель, уличивъ въ винѣ одного, никогда не ошибался, наказывая насъ всѣхъ. Онъ зналъ хорошо, что преступленіе, въ которомъ замѣшанъ одинъ изъ насъ, относилось и ко всѣмъ. Мы имѣли особенное удовольствіе раздражать евреевъ, почему при всякомъ удобномъ случаѣ старались ихъ оскорблять. Самымъ удобнымъ случаемъ было собраніе ихъ въ синагогѣ, куда мы не замедляли посылать имъ свои привѣты бросаніемъ камней въ окна, стекла которыхъ нерѣдко попадали на головы присутствующихъ. Смятеніе ихъ и шумъ, производимые нашимъ поступкомъ, приводили всегда въ восторгъ насъ, часто принужденныхъ искать спасенія отъ преслѣдованія разъяренной толпы въ мѣстахъ самыхъ неудобныхъ для существованія. Находясь часто въ подобныхъ обстоятельствахъ, мы развили въ себѣ способность скоро бѣгать. Это было причиною увѣренности, что всякое преслѣдованіе насъ со стороны евреевъ будетъ тщетно. Постоянныя жалобы евреевъ успѣли даже надоѣсть учителю, такъ что онъ рѣдко когда слушалъ со вниманіемъ жалобные разсказы ихъ о послѣдствіяхъ нашихъ похожденій, а слѣдовательно и рѣдко когда взыскивалъ.

Ледъ зимою, вода лѣтомъ составляли главный предметъ нашихъ невинныхъ развлеченій. Весной и осенью мы по большей части проводили свободное время въ лѣсахъ, на лугахъ и на поляхъ, гдѣ иногда страдали чужіе гуси, лишаясь части перьевъ

изъ своихъ крыльевъ (тогда писали гусиными перьями). При этомъ намъ казалось, что приносимъ существенную пользу хозяину, лишая гусей возможности улетать вмѣстѣ съ дикими, существованіе которыхъ и пути, ими предпринимаемые, были намъ извѣстны изъ различныхъ разсказовъ.

Наступилъ выпускной публичный экзаменъ, на которомъ присутствовали всѣ знатнѣйшіе члены города. Видъ собравшейся публики произвелъ на меня непріятное впечатлѣніе. Отвѣчая на предлагаемые мнѣ вопросы, я какъ-то невольно прослезился, чѣмъ нехотя обратилъ на себя вниманіе публики. Я былъ награжденъ похвальнымъ листомъ и отъ радости не зналъ, гдѣ его сохранить, опасаясь, чтобы кто-либо его отъ меня не отнялъ. Находясь въ такомъ положеніи, я спряталъ его такъ, что послѣ и самъ не могъ найти, и онъ исчезъ, оставивъ по себѣ только воспоминаніе. Итакъ, я окончилъ приходское училище; что со мною будетъ далѣе, это не возмущало моего спокойствія. Однажды во время отсутствія отца, который былъ въ это время въ постоянныхъ разъѣздахъ, мать начала упрекать насъ въ нашей праздности. Это мнѣ сильно не понравилось, и я, не долго думая, отправился въ присутственныя мѣста просить о принятіи меня на службу. Когда я подошелъ къ дому, гдѣ находилась канцелярія стряпчаго, паническій страхъ и нерѣшимость овладѣли мною. Я стоялъ долго передъ неприступнымъ хранилищемъ правосудія, и дѣтскія грезы все сильнѣе и сильнѣе тяготили мою голову. Передо мной явились, съ одной стороны, слова матери, которыя побуждали стремиться къ занятію, съ другой стороны—картина затворничества, которую я долженъ былъ испытать, сидя за столомъ въ канцеляріи почти по цѣлымъ днямъ. Эти два положенія находились въ равновѣсіи и ни одно изъ нихъ не могло безъ побудительной причины восторжествовать. Мнѣ бы, можетъ быть, пришлось пробыть въ такомъ положеніи довольно долго, если бы вышедшій въ это время письмоводитель не вывелъ изъ него. Когда онъ сравнялся со мной и по знакомству одарилъ меня нѣсколькими словами, довольно лестными, я, наконецъ, осмѣлился изложить ему причину моего прихода. Онъ слушалъ меня со вниманіемъ, и когда я окончилъ, онъ повелъ меня въ канцелярію и далъ мнѣ нѣсколько бумагъ для переписки. Это сначала меня сильно обрадовало, но, просидѣвъ цѣлый день въ канцеляріи, я уже началъ отыскивать причину, которая дала бы мнѣ возможность не явиться на слѣдующій день. Пріѣздъ отца далъ мнѣ возможность остаться одинъ день безъ занятій, не предполагая, впрочемъ, что этотъ

случай совершенно меня избавитъ отъ канцелярской работы. Отецъ, узнавъ о моемъ похожденіи, сильно разсмѣялся и позвонилъ мнѣ отдыхать все каникулярное время, послѣ котораго рѣшился отдать насъ, для пріобрѣтенія познаній въ языкахъ, гувернеру, занимавшемуся въ то время въ Р. обученіемъ дѣтей и приготовленіемъ ихъ въ гимназію. Каникулы прошли, и мы дѣйствительно были отданы для обученія этому гувернеру. У него мы пробыли полгода и новаго ничего не вынесли изъ его заведенія. Между тѣмъ, время приближалось къ выѣзду въ г. М. Я весь былъ преисполненъ мыслью о дворянскомъ училищѣ, куда предполагали насъ помѣстить; ученическій костюмъ представлялся въ моихъ глазахъ въ самыхъ очаровательныхъ краскахъ. Я часто задумывался надъ своимъ будущимъ положеніемъ, и во время этихъ грезъ я представлялъ себя въ кругу учениковъ, принадлежать къ обществу которыхъ мнѣ казалось совершенствомъ, то представлялъ себя перенесеннымъ изъ М. въ г. Р. и гордо взирающимъ на прежнихъ своихъ товарищей, при чемъ улыбка самодовольства всегда осѣняла мое лицо; болѣе же всего меня очаровывала картина явленія моего въ ученическомъ костюмѣ передъ лицомъ одной дѣвушки, которая была въ то время однихъ со мною лѣтъ, и къ которой я безсознательно привязался еще во время нашего общаго пребыванія въ заведеніи вышеупомянутаго гувернера.

Отъѣздъ въ Мозырь.

День нашего отъѣзда въ М. наступилъ, наконецъ. Я помню, съ какимъ нежеланіемъ отецъ собирался въ путь. Ему никакъ не хотѣлось разстаться съ мѣстомъ, гдѣ онъ родился и прожилъ почти никуда не выѣзжая все прошедшее время, но мать настаивала. Приготовленіе къ выѣзду казалось намъ чрезвычайно долгимъ и скучнымъ. Прощанія и посѣщенія всѣхъ знакомыхъ были для насъ очень непріятны, потому что имъ мы приписывали причину нашего замедленія къ выѣзду, къ которому мы такъ жадно стремились. Наконецъ наступила минута безмолвной тишины. Лица всѣхъ были печальны и сумрачны, что насъ не мало удивило, потому намъ казалось, что всѣ должны быть столь же веселы при мысли объ отъѣздѣ, какъ и мы. Началась молитва и прощаніе, сопряженное, какъ всегда водится, со слезами. Всѣ эти пріемы казались для меня странными, а представившаяся въ первый разъ совершавшаяся тогда церемонія была непонятна.

Лошади, измученныя долгимъ ожиданіемъ пассажировъ и находясь подъ непріятнымъ впечатлѣніемъ мороза, начали рыть снѣгъ копытами и своимъ фыркапьемъ желали выразить свое неудовольствіе. Для насъ были приготовлены всѣ удобства къ дорогѣ. Нанятый тарантасъ былъ обширенъ и хорошо сдѣланъ. Всѣ ѣхавшіе вмѣстились въ немъ, кромѣ отца и меня: мы расположились вдвоемъ на маленькихъ саняхъ, въ которыя была впряжена наша лошадь. Мы выѣхали, но едва успѣли проѣхать нѣсколько верстъ, какъ послышался изъ тарантаса голосъ: „Собаченку забыли". Этими словами выражалось желаніе ихъ, чтобы мы съ отцомъ вернулись за нею назадъ. Это мнѣ крайне не понравилось, и я принужденъ былъ употребить уловку, которая могла бы удержать насъ отъ возвращенія.

Я сказалъ отцу, что видѣлъ своими глазами, какъ собака побѣжала впередъ. Это мнѣ помогло, и, мнѣ повѣривъ, поѣхали дальше, въ полной надеждѣ, что собачка бѣжитъ впереди, но ея, къ несчастію, не было, за что, конечно, я получилъ выговоръ, который снесъ прохладнокровно, потому что сознавалъ свою вину. Я не знаю, или это отъ радости, что мы ѣдемъ въ М., или отъ плотной одежды, въ которую я былъ облеченъ, но я не чувствовалъ холода, хотя былъ довольно сильный морозъ. На дорогѣ съ нами случилось приключеніе. Проѣзжая черезъ болото, лошади, погоняемыя сильно кучеромъ, вдругъ провалились. Вотъ и остановка, думалъ я, ропща въ то же время и на лошадей и на кучера. Прошло довольно долгое время, пока ихъ вытащили и отправились дальше. Когда мы подъѣзжали къ городу и увидѣли церкви и каменные дома, у меня сильно забилось сердце. Я видѣлъ скорое достиженіе своей долго ожидаемой цѣли. Находясь подъ вліяніемъ восторга и волненія, я погрузился въ размышленія и началъ строить новые планы своихъ дѣйствій; во мнѣ нечаянно возродились новыя желанія и новыя намѣренія.

Переѣхавъ рѣку благополучно, мы очутились, наконецъ, въ городѣ. Погода была самая несносная. Снѣгъ вмѣстѣ съ дождемъ и сильнымъ завываньемъ вѣтра встрѣтили насъ. Это обстоятельство лишило меня возможности осматривать городъ и его строенія, которыя послѣ Р-хъ избушекъ казались мнѣ великолѣпными. Мы заѣхали къ одному знакомому Б., на дворѣ котораго я узналъ свои вещи, отправленныя еще до нашего отъѣзда. Этотъ Б. содержалъ учениковъ, съ которыми хозяинъ дома не замедлилъ познакомить меня. При первомъ знакомствѣ нѣсколько мальчиковъ моихъ лѣтъ окружили меня и начали забрасывать своими вопросами и различными разсказами объ ихъ ученичe-

ской жизни, что меня болѣе всего интересовало. Одинъ изъ нихъ, который сидѣлъ въ углу и держалъ таблицу, обрадованный возможностью хоть на нѣкоторое время избавиться отъ наскучившей ему таблицы, съ особеннымъ стараніемъ принималъ участіе въ нашихъ разговорахъ, посматривая по временамъ на высокаго, стройнаго мужчину, который былъ гувернеромъ этой квартиры и подъ руководительствомъ котораго мнѣ пришлось быть. Время летѣло незамѣтно. Новые люди, новыя картины жизни поглотили все мое вниманіе. Съ одной стороны предстоящее мнѣ положеніе ученика дворянскаго училища представлялось мнѣ въ самыхъ блестящихъ краскахъ, а съ другой стороны учебныя занятія, именно, постоянное заучиванье задаваемаго, отвлекали меня отъ новизны положенія. Взяться за ученье и повторить пройденное было для меня не очень пріятно.

Намъ пришлось ночевать въ домѣ, комнаты котораго, вѣроятно, не были отапливаемы въ теченіе цѣлой зимы. Онѣ были холодны и сыры. Протопивши нѣсколько разъ, мы, не предусмотрѣвъ послѣдствій этого обстоятельства, расположились отдыхать. На другой день утромъ мы были ни живы, ни мертвы. Угаръ охватилъ насъ сильнѣйшимъ образомъ, и мы подъ его дѣйствіемъ пробыли цѣлыя сутки. На слѣдующій день квартира была нанята, и мы сейчасъ же перебрались въ нее. Она состояла изъ пяти обширныхъ комнатъ, и одна изъ нихъ досталась мнѣ и старшему брату. Все это какъ-то поднимало меня въ моихъ глазахъ. Быть обитателемъ отдѣльной комнаты, имѣть въ виду скорое поступленіе въ дворянское училище и облачиться въ форменный сюртукъ, все это меня, какъ мальчика, приводило въ восторгъ.

Родители, желая, чтобы мы поступили во второй классъ, для поступленія въ который мы не вполнѣ были приготовлены, отдали насъ для обученія гувернеру Б., который занимался съ нами нѣсколько мѣсяцевъ, до вакацій, въ теченіе которой мы окончательно приготовились подъ руководствомъ А. Б., ученика седьмого класса Минской гимназіи.

III. Въ Мозырскомъ дворянскомъ училищѣ. Отъѣздъ въ Слуцкъ.

Прошли каникулы, и мы, т.-е. я и старшій братъ, были призваны на испытаніе. Оно прошло довольно удачно, и мы очутились во второмъ классѣ. Все окружавшее насъ казалось

какимъ-то страннымъ, и долго намъ пришлось привыкать къ новому образу жизни и дѣятельности. Свыкнувшись со всѣмъ, мы пошли по слѣдамъ своихъ товарищей въ успѣхахъ и шалостяхъ.

Ученіе во второмъ классѣ шло успѣшно, только одна географія мнѣ какъ-то не давалась. Не знаю, или учитель былъ предубѣжденъ противъ меня, или я не могъ удовлетворить его желанію моими знаніями, довольно того, что этотъ предметъ воспрепятствовалъ мнѣ получить награду при переходѣ въ третій классъ.

Не то ужъ было въ третьемъ классѣ. Своими успѣхами я превзошелъ многихъ и успѣлъ обратить на себя вниманіе учителей. Однажды учитель математики, обращаясь къ цѣлому классу, сказалъ, что изъ всѣхъ учениковъ одинъ только И. Е. идетъ ровно и безукоризненно занимается. Учитель русскаго языка тоже поставилъ меня въ число первыхъ своихъ учениковъ. Его примѣру послѣдовали и прочіе. Результатомъ всего этого было то, что я получилъ въ награду книгу, которая у насъ считалась первою наградою. Съ этого времени начинается цвѣтущее состояніе моихъ учебныхъ занятій, несмотря на лихорадку, которая мучила меня въ теченіе почти цѣлаго года. Въ награду за наши успѣхи, родители позволили намъ съѣздить въ Р. къ знакомымъ и роднымъ. Нельзя представить себѣ, какою радостью мы были преисполнены при наступленіи дня нашего выѣзда. Къ тому же открылся удобный случай: одинъ изъ нашихъ дальнихъ родственниковъ посылалъ лошадей въ Р. за своими дѣтьми и изъявилъ свою готовность свезти насъ на этихъ лошадяхъ, что было и сдѣлано. Дорогой я далъ волю своей юношеской фантазіи. Я мечталъ о пріемѣ и встрѣчѣ знакомыхъ и родныхъ.

Во мнѣ величаво отзывалось самолюбивое сознаніе своего достоинства, а книжка въ золотомъ переплетѣ придавала ему еще большую силу. Я представлялъ себѣ въ роскошныхъ краскахъ встрѣчу съ бывшими товарищами по училищу, и осанка моя принимала въ ту минуту важную позу. Мы пріѣхали. Но мечты и въ десятой долѣ не осуществились. Все какъ-то было по-прежнему. Насъ встрѣтили, какъ-будто жильцовъ этого города. Да впрочемъ мнѣ не было возможности наслаждаться пріятными впечатлѣніями города. Я былъ боленъ и изнемогалъ подъ гнетомъ лихорадки, которая начала дѣйствовать мучительнѣе прежняго. Правда, гдѣ я ни показывался въ домъ, вездѣ былъ забрасываемъ похвалами и удивленіемъ о моемъ умственномъ развитіи, что возродило во мнѣ особенное стремленіе къ важничанью. Однажды къ Я. Н., у котораго я проживалъ, пришелъ К. Д.,

нашъ родственникъ, и за наше сухое привѣтствіе, состоящее въ неловкомъ поклонѣ, онъ не лестно о насъ отозвался. Это вооружило насъ противъ него, и мы постановили у него не быть, что, конечно, и исполнили, несмотря на угрозы Я. Н., который хотѣлъ заставить насъ отправиться къ нему. И только передъ выѣздомъ, напуганные до-нельзя Я. Н., мы рѣшились сдѣлать ему визитъ и вмѣстѣ попрощаться; при томъ же условились, если только К. Д. будетъ насъ упрекать, и по родственному праву, котораго мы впрочемъ не признавали, будетъ обходиться съ нами невѣжливо, сейчасъ же распрощаться и уходить; но, впрочемъ, онъ какъ бы предугадалъ наше постановленіе, и мы были имъ приняты довольно радушно и гостепріимно. Попрощавшись по заведенному обычаю съ родными и знакомыми, мы оставили Р., тѣмъ болѣе, что каникулы уже подходили къ концу, и намъ предстояло новое занятіе въ старшемъ классѣ. Дорога была довольно весела. Погода намъ благопріятствовала. Только однажды, заночевавъ въ лѣсу, мы были сильно напуганы волками, которые избрали мѣсто притона около насъ и запѣли по-своему. Это конечно заставило насъ отказаться отъ удовольствія провести ночь подъ открытымъ небомъ, въ лѣсу, и мы должны были ретироваться назадъ въ оставленную нами деревню, гдѣ и провели ночь подъ вліяніемъ несносныхъ насѣкомыхъ.

Мы пріѣхали въ М., немного опоздавъ къ учебнымъ занятіямъ, за что получили маленькій выговоръ. Но впечатлѣніе, произведенное имъ, исчезло при видѣ бабушки, которая гостила у насъ и къ которой мы были сильно привязаны. Мнѣ притомъ объявили, что М. Р. хотѣла пригласить меня заниматься съ ея дѣтьми, но по причинѣ моего отсутствія пригласила другого. Это немного меня опечалило, но я все-таки не терялъ надежды на подобное занятіе, тѣмъ болѣе, что мысль распоряжаться своими деньгами поглотила мое вниманіе. Вотъ гдѣ зародышъ стремленія жить собственными трудами, такъ сильно проявившагося при этомъ случаѣ, и такъ сильно сопутствовавшаго мнѣ въ дальнѣйшей жизни.

Въ четвертомъ классѣ я созналъ потребность науки и серьезно принялся за нее, и это мое стремленіе увѣнчалось успѣхомъ. Я былъ первымъ ученикомъ, и послѣ экзамена, окончившагося самымъ удачнымъ образомъ, я получилъ первую награду. Всѣ знающіе меня, въ томъ числѣ учителя и ученики, считали меня самымъ способнымъ ученикомъ. Отъ моихъ успѣховъ родители были въ восторгѣ. Мать и бабушка называли меня „философомъ", придавая этому слову свойственное ему

значеніе. Я не принадлежалъ къ числу шалуновъ и свободное время проводилъ въ кругу дѣвицъ одного со мною возраста, въ чемъ находилъ единственное удовольствіе. Нѣсколько дѣвицъ мнѣ сразу понравилось, и я былъ въ сильномъ затрудненіи, которой дать предпочтеніе. Слѣдствіемъ чего было то, что переносилъ свою расположенность отъ одной къ другой и у каждой изъ находилъ особенную внимательность и громкій отголосокъ. Конечно, сознаніе своего достоинства во мнѣ было сильно развито, и я не иначе становился поклонникомъ той или другой дѣвицы, какъ убѣдившись въ ея взаимномъ сочувствіи. При чемъ романтическія сцены съ каждой изъ нихъ продолжались не долго Я любилъ разнообразіе, и стоило только явиться новой, могущей расположить къ себѣ, чтобы, оставивъ прежнюю, устремить на нее все свое вниманіе. Во время каникулъ, при переходѣ изъ четвертаго въ пятый классъ, я былъ снова приглашенъ М. Р. заниматься съ ея дѣтьми. Нельзя вообразить мою радость, мой восторгъ, которыми я былъ преисполненъ, получивъ это предложеніе. Я перебрался въ домъ Р. и началъ заниматься со всѣмъ усердіемъ, но, къ несчастію, дѣти были избалованы, и мнѣ трудно было съ ними возиться, тѣмъ болѣе, что я самъ былъ еще очень молодъ. Мнѣ едва окончилось тогда четырнадцать лѣтъ, и столько же было старшему ученику. При ихъ худыхъ наклонностяхъ трудно было удержать ихъ въ послушаніи и заставить учиться. Пробывъ вакацію, я оставилъ этотъ домъ. По рекомендаціи учителя П. я былъ приглашенъ аптекаремъ Я. заниматься съ его племянникомъ. Это для меня было удобнѣе, ибо всѣ мои занятія ограничивались только приготовленіемъ его къ урокамъ. Занятія мои были успѣшны. Ученикъ получилъ переводъ, и я получилъ благодарность. Результатъ моихъ классныхъ занятій былъ не менѣе предыдущаго успѣшенъ. Я окончилъ пятый классъ съ первою наградою и тѣмъ окончилъ дворянское училище. Отецъ и мать не были приготовлены къ тому, чтобы меня встрѣтить съ аттестатомъ въ рукахъ, и это явленіе ихъ сильно поразило. Я же со своей стороны началъ мечтать о гимназіи. Въ теченіе этого года дѣятельность сердца сосредоточена была на дочери одного учителя Е. П., и мечта о ней унесена была со мной и въ гимназію. Интересно было наше съ ней прощаніе. Сообразныя нашимъ понятіямъ нѣжныя слова сыпались съ одной и съ другой стороны. Минута разлуки прошла въ воспоминаніяхъ, которыя были для насъ не безынтересны.

Въ концѣ іюля я съ матерью отправился въ Р., чтобы оттуда отправиться въ одну изъ гимназій. Въ теченіе цѣлой вакаціи всѣ домашніе размышляли постоянно, въ какую именно гимназію меня отослать. Но, несмотря на долгія размышленія, они ничего положительнаго не сдѣлали и поручили все случаю. Пріѣхавъ въ Р., мы заѣхали къ Я. Н., пріемъ котораго, угрюмый и недружелюбный, мнѣ сильно не понравился. При первой встрѣчѣ, онъ съ досадою спросилъ: „Чего вы пріѣхали? Какъ будто нельзя было изъ М. его отвезти въ какую-либо гимназію?“ Онъ вѣроятно думалъ, что я пріѣхалъ требовать отъ него помощи, и успокоился только тогда, когда узналъ, что я снабженъ всѣмъ необходимымъ къ выѣзду. Этотъ его пріемъ, эти его отзывы возбудили во мнѣ чувство обиды, и я постановилъ никогда не прибѣгать къ его помощи, хоть бы и въ самыя критическія минуты. Не такой пріемъ былъ сдѣланъ намъ въ домѣ Л. С. Онъ радъ былъ видѣть своего племянника, стремящагося къ развитію и образованію. Онъ принялъ живое участіе въ моемъ отъѣздѣ въ гимназію. По его старанію, я былъ приглашенъ Р. П. ѣхать вмѣстѣ съ нимъ въ С—ую гимназію. Онъ радъ бы былъ пособить мнѣ въ случаѣ необходимости, но его стѣсненныя обстоятельства ему препятствовали. Но для меня, начинающаго понимать жизнь и людей, этого достаточно было, чтобы оцѣнить его добрую душу. Передъ выѣздомъ въ гимназію, меня пригласили въ деревню, гдѣ я пробылъ цѣлую недѣлю, находясь постоянно подъ вліяніемъ нетерпѣливаго ожиданія скорѣйшаго выѣзда. Наконецъ и онъ наступилъ. Намъ пришлось ѣхать черезъ Р., въ которую мы прибыли ночью, и остановились у З. Мнѣ не хотѣлось ночевать въ незнакомомъ домѣ, имѣя родственниковъ въ этомъ городѣ, но долженъ былъ повиноваться П., тѣмъ болѣе, что мы намѣрены были передъ восходомъ солнца оставить г. Р. Я не предугадалъ мысли и намѣренія моего спутника и положился на его слова. Но онъ затѣивалъ совершенно другое. Онъ не думалъ о выѣздѣ, и въ головѣ его мелькали мысли о предстоящихъ именинахъ дочери хозяйки дома, въ которомъ мы остановились. На другой день послѣ нашего пріѣзда въ Р. я началъ настаивать къ скорѣйшему выѣзду, между тѣмъ со стороны моего товарища не было никакого желанія. Чтобы заставить меня остаться по его желанію, онъ подговорилъ кучера меня обмануть тѣмъ, что будто бы лошадь сильно заболѣла и выѣздъ невозможенъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, не желая, чтобы горожане знали о нашемъ пребываніи въ городѣ, принудилъ меня хитростью не показываться къ роднымъ, что было поводомъ совершившейся странной исторіи.

Того же дня вечеромъ мы по необходимости вышли на рынокъ, а оттуда зашли къ доктору Э., сынъ котораго былъ нашимъ товарищемъ. Въ это же время пришелъ туда Я. Н. Здѣсь-то самымъ явнымъ образомъ выказался его дерзкій нравъ и суровый характеръ. Онъ употребилъ всѣ свои усилія, чтобы оскорбить меня самымъ жестокимъ образомъ. Его стремленіе не оставило меня даже и въ домѣ Л. С., куда я прибылъ послѣ описаннаго случая. Здѣсь-то онъ заставилъ меня горько заплакать и со слезами оставить сей домъ. Первое нападеніе съ его стороны выходило изъ предположенія, будто бы я прокутилъ деньги, взятыя мною изъ дому для прожитія въ г. С. Онъ былъ увѣренъ въ моей бережливости и предусмотрительности, и я не знаю, что было причиною подобнаго предположенія, вслѣдствіе котораго онъ такъ жестоко унизилъ меня въ глазахъ посторонняго лица, а потомъ и въ домѣ родственниковъ. Изъ этого предположенія онъ вывелъ заключеніе, что я не достигну предпринимаемой цѣли, что всѣ издержки, представившіяся его фантазіи и выведенныя изъ сферы несущественной, потерпны. Впрочемъ, чего онъ въ это время не создалъ въ своемъ воображеніи, и все это свалилось на меня, пятнадцатилѣтняго юношу. Наконецъ-то я оставилъ г. Р., и оставляя его, я сильно обрадовался, что избавляюсь отъ невыносимаго ига, которое я влачилъ въ теченіе нѣсколькихъ дней, находясь подъ гнетомъ несправедливыхъ нападеній. Вотъ мнѣ пришлось въ первый разъ совершить одному безъ руководителя путешествіе и начать жизнь вполнѣ отъ меня зависящую. Путешествіе наше, продолжавшееся пять дней, было преисполнено разнообразныхъ приключеній. Несмотря на то, что я ѣхалъ на лошадяхъ П., мнѣ приходилось нѣсколько разъ на дорогѣ съ нимъ перессориться, послѣ чего только нѣкоторыя обстоятельства мирили насъ. Однажды мы, по причинѣ песчаной дороги, слѣзли съ повозки и пошли пѣшкомъ. Я изъ любопытства узнать, сколько верстъ мы проѣхали, отдѣлился отъ него и подошелъ къ верстовому столбу, который былъ отъ насъ на разстояніи, быть можетъ, пятидесяти саженъ. Въ это время П. сѣлъ на повозку и велѣлъ погонять лошадей, которыя удалились отъ меня по крайней мѣрѣ на версту. Эта шутка меня сильно разсердила. Я не рѣшился съ досады ихъ догонять и пошелъ шагомъ. Видя это, П. велѣлъ остановить лошадей, чтобы обождать меня, и когда я приблизился, онъ полонъ радости, что заставилъ меня пройти значительное разстояніе по песчаной дорогѣ и подъ зноемъ солнечныхъ лучей, сталъ звать меня на повозку. Я, ничего не отвѣчая, отправился дальше.

Потомъ, выведенный изъ терпѣнія его словами, сказалъ, что я не намѣренъ продолжать путь съ такимъ человѣкомъ, который въ тяжеломъ положеніи другого ищетъ для себя удовольствія. Я намѣренъ былъ дойти до первой деревни пѣшкомъ и тамъ нанять себѣ лошадей. Но упрямство мое было парализовано усталостью, и я принужденъ былъ сѣсть въ повозку и такимъ образомъ отказаться отъ своихъ намѣреній.

По просьбѣ моей тетки Э. Е., мы заѣхали къ управляющему имѣніемъ П., г-ну В., гдѣ находилась моя двоюродная сестра М. Переодѣвшись на постояломъ дворѣ, мы наконецъ подъѣхали подъ крыльцо незнакомаго дома и незнакомыхъ его владѣтелей. Прежде нежели мы вошли, между нами завязалась переторжка, кому первому войти и рекомендоваться. Очередь, впрочемъ, пала на меня, такъ какъ мой интересъ и заставилъ насъ заѣхать. Едва я успѣлъ отрекомендоваться, какъ ко мнѣ подвели двухъ барышенъ одинаковаго роста и довольно между собою похожихъ, только цвѣтъ волосъ различалъ ихъ. Конечно въ блондинкѣ я узналъ свою сестру. Мы тамъ пробыли недолго. Пріемъ холодный, какъ хозяевъ, такъ и преимущественно моей сестры, заставилъ меня понуждать моего спутника къ скорѣйшему выѣзду, между тѣмъ какъ онъ намѣренъ былъ остаться; тѣмъ болѣе, что это былъ день ангела хозяйки и къ вечеру имѣли собраться гости. Одинъ нашъ поступокъ дѣйствительно унизилъ насъ въ глазахъ хозяевъ и вызвалъ собою мнѣніе довольно для насъ нелестное. П. курилъ, и это не воспрещалось ему дома. Этимъ правомъ онъ и здѣсь воспользовался. Между прочимъ предложилъ онъ и мнѣ папиросу. Я былъ еще далекъ отъ того, чтобы курить, но взялъ папиросу въ руки, желая черезъ это показаться болѣе солиднымъ, зажегъ ее, что бы она въ рукахъ дымилась, и бросилъ ее почти цѣлую въ назначенный для этого сосудъ. Этотъ нашъ поступокъ, какъ я впослѣдствіи узналъ, былъ предметомъ разговора и сужденій. Этотъ домъ мы оставили съ довольно непріятнымъ чувствомъ: сожалѣли, что заѣхали.

Когда мы въѣзжали въ гор. С., насъ застигъ проливной дождь, подъ дѣйствіемъ котораго мы пробыли нѣсколько часовъ. Мы промокли съ ногъ до головы. Наконецъ мы въѣхали въ городъ и остановились у еврея Ш., содержателя постоялаго двора. Осушившись немного, мы отправились на ученическую квартиру М. П. Я, какъ ни съ кѣмъ незнакомый, усѣлся и молча слушалъ разговоры учениковъ высшихъ классовъ. Нужно замѣтить, что я былъ чрезвычайно низкаго роста, судя по которому бесѣдующіе предполагали, что я, вѣроятно, пріѣхалъ во второй или

третій классъ. Одинъ изъ нихъ спросилъ П., въ который классъ я поступаю; онъ отвѣтилъ ему, что въ шестой и буду его гувернеромъ. Этотъ отвѣтъ былъ принятъ имъ съ недовѣрчивостью и съ улыбкою, и онъ остался при своемъ предположеніи, принимая меня за ученика низшихъ классовъ. На другой день по пріѣздѣ, я отправился, по рекомендаціи Ш., къ содержателю ученической квартиры Г., намѣреваясь у него остановиться. Онъ, желая воспользоваться моею молодостью, хотѣлъ меня надуть. Но не тутъ-то было. Я, замѣтя его стремленіе, до возможности сжалъ его требованія и ограничилъ ихъ различными условіями, и этимъ поступкомъ удивилъ его до невѣроятности. Еще мнѣ предстоялъ шагъ, по тогдашнему моему пониманію, исполинскій—явиться къ директору, о которомъ мнѣ наговорили много страшнаго, между тѣмъ онъ былъ очень хорошій человѣкъ.

IV. Въ Слуцкой гимназіи. Окончаніе гимназическаго курса. Отъѣздъ въ Кіевъ.

Со страхомъ и трепетомъ я на другой день утромъ, взявъ свой аттестатъ изъ М. дворянскаго училища, отправился къ директору. Подойдя къ дверямъ, я почувствовалъ сильное біеніе сердца и находился въ нерѣшимости: отворять ли дверь. Наконецъ, идя по требованію необходимости и желанія скорѣе сбросить съ души тяготѣвшій камень, я вошелъ. Директоръ не заставилъ себя долго ожидать. Услышавъ стукъ дверей, онъ вышелъ изъ другой комнаты, и моимъ глазамъ предсталъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, средняго роста и миловидной наружности. Въ глазахъ его выражалась доброта и доброжелательство. Съ перваго раза онъ мнѣ понравился, а его пріемъ мгновенно разсѣялъ все навѣянное мнѣ различными разсказами.

Я былъ зачисленъ въ число учениковъ пятаго класса и не поступилъ въ шестой потому, что много предметовъ, излагаемыхъ въ четвертомъ и пятомъ классахъ, были для меня неизвѣстны. Даже чтобы удержаться въ пятомъ классѣ, я долженъ былъ черезъ два мѣсяца приготовиться изъ цѣлаго курса латинскаго языка и ботаники, положеннаго въ четвертомъ классѣ, чего я достигъ, впрочемъ, съ большимъ успѣхомъ, и своими отвѣтами по латинскому языку привелъ въ удивленіе даже самого учителя, который не могъ допустить, чтобы я успѣлъ такъ много сдѣлать въ теченіе двухъ мѣсяцевъ.

На квартирѣ, гдѣ я остановился, находились мои товарищи

по училищу, и мнѣ съ самаго начала было довольно весело. Не прошло и недѣли, какъ я успѣлъ уже поссориться съ гувернеромъ нашей квартиры. Я не хотѣлъ въ глазахъ его стоять наравнѣ съ учениками ему подчиненными, и онъ, замѣтя это, употреблялъ всѣ усилія, чтобы меня подчинить своей власти. Однажды онъ, приписавъ мнѣ какую-то продѣлку, сдѣланную его учениками, началъ мнѣ дѣлать различныя замѣчанія, я не смолчалъ и наговорилъ ему больше, нежели онъ ожидалъ. Это заставило его жаловаться на меня начальству. Впрочемъ все сошло на первый разъ благополучно.

Занятія мои въ гимназіи увѣнчались успѣхомъ. Замѣченный по своей способности къ математикѣ, я былъ приглашенъ въ домъ З. репетиторомъ. Съ этого времени я началъ жизнь самостоятельную и вполнѣ отъ меня зависящую. Въ обращеніи съ учениками я старался держать себя на „далекой дистанціи“ и не допускалъ къ сближенію съ ними. Я остерегался всего, что могло бы отклонить отъ того пути, по которому я слѣдовалъ, а потому я и не имѣлъ друзей. Тѣ, которые сближались со мною, находились нѣкоторымъ образомъ въ зависимости отъ меня и подчинялись моему вліянію. Живя вдали отъ гимназіи и отъ ученическихъ квартиръ, я былъ совершенно устраненъ отъ товарищей. Однако изъ квартирующихъ въ той части города, гдѣ жилъ я, составился довольно дружный кружокъ, во главѣ котораго мнѣ пришлось быть.

Во время моего репетиторства я сносилъ множество непріятностей по причинѣ случайныхъ обстоятельствъ. Однако все переживалось въ моей душѣ, все уничтожалось мыслію о моей дѣятельности, о моихъ планахъ и стремленіяхъ. Другой, будучи на моемъ мѣстѣ, давно бы упалъ подъ гнетомъ тѣхъ обстоятельствъ, которыя меня окружали, я же боролся съ ними, имѣя въ виду руководящую идею, ею только укрѣплялся, и она возбуждала во мнѣ энергію къ предпринимаемымъ трудамъ. Не разъ горькая слеза, орошавшая опечаленную душу, уничтожалась надеждою одержать вѣнецъ побѣды надъ обстоятельствами.

Я пробылъ цѣлый годъ въ домѣ З., не выѣзжая даже на праздники. Наступилъ экзаменъ. Все пошло очень удачно, и я удостоился награды при переходѣ въ высшій классъ. Не разсчитывая уѣзжать и на каникулы, я извѣстилъ объ этомъ родителей письмомъ, что ихъ сильно опечалило. Впрочемъ обстоятельства сложились иначе. Товарищи, ѣхавшіе въ М., уговорили меня ѣхать съ ними, при томъ обстоятельство, заставлявшее меня остаться, открыло мнѣ возможность уѣхать. М-мъ З., въ домѣ

которой я репетировалъ, просила меня остаться и на второй годъ у нея. Слѣдовательно, я былъ обезпеченъ и могъ располагать каникулами по произволу. Конечно остаться у нея зависѣло отъ стеченія обстоятельствъ. Но во всякомъ случаѣ я былъ спокоенъ. Родители, желая, чтобы я пріѣхалъ, написали ко мнѣ письмо черезъ еврея, ѣхавшаго въ г. С., и уговорили его забрать меня, когда онъ будетъ возвращаться. Но въ это время я былъ уже въ дорогѣ. Лошади были наняты до Петрикова, откуда мы отправились водою. Мы пріѣхали въ М. въ воскресенье утромъ, и я, оставивъ судно, пошелъ домой. Передъ самымъ домомъ я встрѣтилъ Т., который объявилъ мнѣ, что меня съ нетерпѣніемъ ожидаютъ. Войдя на дворъ, я встрѣтилъ сестру. Она меня не узнала. Черезъ годъ я значительно измѣнился. Она замѣтя, мое стремленіе приблизится къ ней, убѣжала въ кладовую, куда и я отправился, гдѣ встрѣтилъ мать и одну барышню, которая при моемъ появленіи тоже убѣжала. Мать встрѣтила меня со слезами. Поздоровавшись съ нею, я отправился въ комнаты, гдѣ встрѣтилъ отца съ улыбкою довольства. Поздоровавшись со всѣми, я началъ переодѣваться, чтобы пойти въ церковь. До обѣдни я успѣлъ познакомиться съ семьей Г., которая была въ дружбѣ съ нашимъ домомъ. Вечеръ этого дня я провелъ очень весело; подобнымъ же образомъ были проведены и всѣ прочіе дни, словомъ, вся вакація.

Общество было подобрано, и всякій разъ члены его собирались у кого-нибудь. Общество кавалеровъ, державшихся дружно между собою, состояло изъ двоихъ насъ, т.-е. меня и старшаго брата, Д. Г., и еще нѣсколькихъ лицъ. Мы составили кружокъ, объединенный общими интересами и стремленіями. Однажды, чтобы доставить себѣ и обществу маленькое развлеченіе, мы затѣяли спектакль, который долженъ былъ устроиться въ нашемъ домѣ. Приготовленія къ этому спектаклю тянулись почти цѣлый мѣсяцъ. Пьесою избрали мы Фра-Діаволо, въ которой участвовали: Д. Г. въ роли атамана; я въ роли старшаго разбойника— Родриго; братъ мой въ роли младшаго разбойника; сестра моя Н. и А. Д. въ роляхъ дѣтей. Другая игранная пьеса была „Заключенный еврей“, которую выполнилъ В. Ш.; третья состояла изъ разговора доктора и чиновника, исполненная мною и Л.; и наконецъ въ заключеніе были представлены живыя картины. Сцена была устроена довольно изрядно. Всѣ принадлежности и необходимыя вещи были взяты у содержателя театра для пріѣзжающихъ актеровъ.

Приглашенная публика состояла изъ учителей дворянскаго училища и нѣсколькихъ семействъ, находившихся въ дружбѣ съ нашимъ домомъ. День спектакля наконецъ наступилъ. Собравшаяся публика насъ немного озадачила. Мы никогда не надѣялись видѣть на своемъ спектаклѣ такъ много зрителей. Для смѣлости мы распили графинъ вишневки, которая значительно подѣйствовала на голову брата; но къ счастью его роль была совсѣмъ незначительная, а то, чего добраго, испортилъ бы все дѣло; намъ же, напротивъ, придала больше смѣлости и энергіи. Первыми лицами, которыхъ должна была увидѣть публика, были я и Д. Г. Мы стали одинъ противъ другого, чтобы съ поднятіемъ кулисы начать разговоръ. Костюмы наши были изрядные. Подъ ихъ покровомъ трудно было насъ и узнать. Я имѣлъ на себѣ красную русскую рубаху, подпоясанную широкимъ такого же цвѣта поясомъ, на которомъ висѣлъ длинный ножъ. На головѣ у меня была черкесская шапка. Къ этому всему нужно прибавить еще изрядную бороду, искусственно приготовленную. Кулиса поднялась. Глаза всѣхъ зрителей, какъ пронзительныя стрѣлы, были устремлены на насъ. Однако мы начали превосходно и своей игрой привели въ восторгъ всю публику. Словомъ, спектаклемъ всѣ остались очень довольны. Но живыя картины намъ не удались. Въ аптекѣ дурно приготовили бенгальскій огонь. И какъ только его зажгли, вся комната наполнилась удушливымъ дымомъ, что заставило всѣхъ присутствующихъ искать спасенія, толпясь къ дверямъ. Намъ, лежавшимъ въ это время на полу, досталось больше всего, потому что пришлось уходить послѣдними. Однако этимъ не кончилось. Въ сосѣдствѣ съ нами жили Г. Къ нимъ-то и отправилась вся публика. Къ тому же явилась музыка, и начался формальный балъ. Всѣ танцовали до усталости. Здѣсь впрочемъ произошла маленькая сцена, которая доставила удовольствіе моему самолюбію. Одна дѣвица, М. К., будучи ко мнѣ неравнодушна еще прежде, игрою моею сильно очаровалась, словомъ, я ей сильно понравился. Когда подошелъ къ ней Д. Г. пригласить на танцы, она отвѣтила, что кромѣ, какъ со мной, ни съ кѣмъ больше не танцуетъ и не будетъ танцовать въ теченіе вечера. Мать этого кавалера, обидѣвшаяся этимъ отвѣтомъ ея, сообщила мнѣ все сказанное, въ надеждѣ, что я за это не буду съ нею тоже танцовать, чтобы этимъ показать ей, что она не должна въ обществѣ дѣлать различія между танцующими; но я, впрочемъ, вопреки ея желанію и надеждѣ, танцовалъ съ нею почти цѣлый вечеръ. Съ этого времени мы жили какъ братъ съ

сестрою, и дружба наша была неразрывная, такъ что въ послѣдствіи времени она перешла въ высшее чувство...

Пріятно вспоминать былое, особенно когда оно увѣнчано пріятнымъ воспоминаніемъ. Я оставилъ М., полонъ мечтаній и чувствъ. Дорога между М. и С. не представляла ничего особеннаго, или, лучше сказать, совершенно изгладилась изъ памяти. Подъѣзжая подъ С., я встрѣтилъ учителя М., который объявилъ мнѣ, что я назначенъ гувернеромъ на его квартирѣ. Это меня не мало обрадовало, и я съ восторгомъ въѣхалъ въ городъ. Явившись къ директору, который немного попенялъ на меня за поздній пріѣздъ, я отправился къ учителю М., условился съ нимъ и сейчасъ же переѣхалъ къ нему на квартиру. Немного спустя, я посѣтилъ м-мъ З., которая съ сожалѣніемъ узнала, что я не могу быть у нея.

Несмотря на столь выгодное положеніе, я провелъ этотъ годъ самымъ мучительнымъ и несноснымъ образомъ. Вся квартира наполнена была помѣщичьими дѣтьми, донельзя избалованными. Обращеніе же учителя съ ними было очень слабое, такъ что мнѣ съ ними трудно было справиться. Въ этомъ году я ѣздилъ уже на Рождественскія каникулы въ М., и передо мною снова предстала перспектива удовольствій и развлеченій. Впечатлѣніе, произведенное моимъ печальнымъ положеніемъ въ С., исчезло, какъ грозная туча отъ сильнаго порыва вѣтра. Душа и сердце ожили снова и ожили для того, чтобы съ большею силою и энергіею переносить все то, что мнѣ предстояло. Во время этихъ праздниковъ я познакомился съ двумя дѣвицами П Р. и А. Ш. изъ которыхъ первая произвела на меня сильное впечатлѣніе. Видя ее первый разъ въ церкви, я обратилъ на нее все свое вниманіе, но, увы, я могъ только рѣдко съ нею видѣться. На новый годъ, въ день ангела моего отца, былъ у насъ вечеръ; собраніе было большое, но, чтобы открыть танцы, не было достаточно барышенъ. Вотъ мы съ Д. Г., взявъ лошадей, отправились приглашать пхъ. Но по дорогѣ заѣхали въ трактиръ и тамъ въ честь этого дня черезъ мѣру кутнули. Слѣдствіемъ чего было то, что на дорогѣ я себѣ гдѣ-то сильно расшибъ ногу и пострадалъ ею почти цѣлый годъ, такъ что доктора, видя невозможность излѣчить ее, запретили мнѣ участвовать въ танцахъ. Дѣйствительно, барышенъ мы собрали, но сами не могли танцовать, отказываясь болью головы. Но меня, впрочемъ, какъ хозяина, заставили по крайней мѣрѣ начать, что я исполнилъ, но кажется не совсѣмъ-то удачно.

На Крещеніе наше семейство отправилось къ Т., куда и я побрелъ; но, замѣтя, что тамъ ничего интереснаго нѣтъ и что общество состоитъ изъ лицъ пожилыхъ, я, подъ предлогомъ боли ноги, отправился домой.

Черезъ два часа пришелъ посланецъ отъ Т., прося, чтобы я, если только могу, пришелъ къ нимъ снова, потому что у нихъ собралось молодое общество и между прочимъ П. Р., присутствіе которой только и заставило меня пойти вторично, несмотря на сильное страданіе.

Этотъ вечеръ мы провели очень весело; я забылъ даже о своей болѣзни и веселился не хуже другихъ, хотя въ послѣдствіи времени дорого мнѣ пришлось заплатить за минуту удовольствія. Больнымъ я уѣхалъ въ С. Мы оставили М., умчавъ за собою одни воспоминанія о прошедшемъ, и очарованные прелестными картинами, такъ часто представлявшимися нашимъ взорамъ. Съ самаго начала нашего пути, каждый изъ насъ казался печальнымъ, задумчивымъ и разсѣяннымъ. У всякаго на душѣ былъ камень, сложившійся впечатлѣніемъ внезапнаго измѣненія своего положенія. Въ мѣстечкѣ А. мы остановились проводить еврейскій шабашъ. Погода была пасмурная, дождливая, и ледъ былъ покрытъ водою. Въ этомъ мѣстечкѣ я имѣлъ родственника І. П., къ которому, по причинѣ болѣзни и несносной погоды, не могъ пойти. Я послалъ къ нему еврея, увѣдомить его о моемъ пріѣздѣ и изъяснить ему причину, по которой я не могу видѣться съ нимъ въ его домѣ. Онъ тотчасъ пріѣхалъ на своей лошадкѣ, и, пробывъ нѣсколько времени, уговорилъ насъ отправиться къ нему въ домъ. Я, какъ человѣкъ нездоровый, поѣхалъ съ нимъ въ экипажѣ, а прочіе пришли пѣшкомъ. Мы у него провели почти всю ночь довольно весело. Отъ излишка напитковъ нѣкоторые переступили законъ приличія своими поступками, однако все какъ-то прошло незамѣтно. Передъ утромъ всѣ улеглись спать, но І. П. мнѣ не далъ покоя своими разсказами, которые продолжались до самаго дня.

На другой день мы пригласили къ себѣ І. П. и отплатили ему возможнымъ угощеніемъ. Во время нашей пирушки подъ окошками показалась музыка, которая возвращалась съ еврейской свадьбы. Мы ее призвали, и она во всеуслышаніе грянула на своихъ пискливыхъ инструментахъ. Недоставало только барышенъ, чтобы открыть танцовальный вечеръ.

Музыканты, обрадованные возможностью заработать противъ ожиданія, усердно работали, поражая присутствующихъ своими раздирающими душу звуками. Всѣ окошки были заняты зрите-

лями съ улицы. Вѣроятно, многимъ изъ нихъ это наше похожденіе показалось довольно страннымъ, но ихъ удивленіе насъ развлекало. Къ вечеру все успокоилось. Распрощавшись съ гостемъ, мы уѣхали, довольные тѣмъ что еще разъ намъ удалось повеселиться и по крайней мѣрѣ въ воображеніи припомнить былое, отголоскомъ котораго было это происшествіе. Мы пріѣхали въ С., просрочивъ довольно много времени. М., у котораго я былъ гувернеромъ, уже началъ было отчаиваться въ моемъ пріѣздѣ и намѣренъ былъ просить директора о назначеніи ему другого гувернера, и когда я пріѣхалъ, онъ далъ мнѣ стороною понять о моей неаккуратности, но я объяснилъ свое опозданіе болѣзнью. Впрочемъ, эта просрочка не обошлась безъ взысканія со стороны гимназическаго начальства. Въ этомъ полугодіи замѣчательно только сближеніе мое съ Д. Г., котораго родители, поручая моему покровительству, просили по возможности помогать ему въ необходимомъ. Несмотря на мое близкое съ нимъ знакомство, я однако не могъ основательно разгадать его наклонностей, нравственныхъ правилъ, привитыхъ окружающею его средою. Я сильно ошибся въ немъ, и моя ошибка причинила мнѣ немаловажныя потери. Во время его бытности въ С., я нѣсколько разъ получалъ отъ него слезныя письма съ просьбою объ одолженіи ему денегъ, потребность которыхъ, какъ онъ выражался, поставила его въ крайне затруднительное положеніе. Я, конечно, вѣрилъ его словамъ и дѣлился послѣднимъ, совершенно не предугадывая въ немъ позорную маску. Ему нужны были деньги, чтобы имѣть возможность съ удовольствіемъ проводить время, длившееся отъ праздности.

Моя ошибка получила достойное возмездіе. Меня обвинили въ сообщничествѣ съ нимъ въ дѣланіи долговъ и даже почли главною причиною. Впрочемъ, гдѣ человѣку за добро не платятъ зломъ. Онъ однако ознаменовалъ себя въ глазахъ родителей и гимназическаго начальства неблаговиднымъ поступкомъ, затѣявъ убѣжать, самъ не зная куда. Онъ былъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города пойманъ. Прощеніе родителей и ихъ мольбы къ нему не повторять другой разъ такого предпріятія открыли мнѣ глаза.

Со времени этого событія, открывшаго мнѣ характеръ и направленіе Д. Г. и поставившаго меня въ неловкое положеніе передъ тѣми, кто зналъ мои отношенія къ этой личности и къ его родителямъ, я началъ устраняться послѣднихъ, что имъ сильно не понравилось. Они, впрочемъ, причину моего быстраго

разрыва приписали иному обстоятельству, клонившемуся не въ мою пользу. Впрочемъ, я по принципу—не обращать вниманія на все неосновательное и ложное, не придавалъ значенія ихъ отзывамъ.

Шестой классъ я окончилъ съ успѣхомъ и на каникулы выѣхалъ въ М., обезпеченный квартирою, которую мнѣ назначили еще во время акта.

Послѣ каникулъ я возвратился въ С. и поселился на квартирѣ П., гдѣ, какъ сказано, я назначенъ былъ гувернеромъ. Прежде всего я обратилъ свое вниманіе на ввѣренныхъ моему надзору учениковъ, чтобы на первыхъ же порахъ возбудить въ нихъ должное уваженіе къ моей личности. Вслѣдствіе сего, я, поступая довольно сурово съ учениками, получилъ выговоръ отъ директора—за слѣдующій поступокъ. Однажды я съ учениками отправился гулять. Въ ихъ числѣ былъ Х., который считался первымъ ученикомъ въ гимназіи и во все время своей бытности былъ безупречнымъ. Когда мы возвращались, онъ безъ вѣдома моего отсталъ отъ насъ и возвратился спустя лишь полчаса. За это самовольное отступленіе отъ порядка я его наказалъ. Онъ пожаловался своему родственнику П., а тотъ директору, который не пропустилъ сего случая и сдѣлалъ мнѣ замѣчаніе. Наложеніе мною наказанія на такъ высоко поставленнаго въ глазахъ учениковъ Х. сильно на нихъ подѣйствовало, что имѣло благотворныя послѣдствія.

Послѣ этого начинается для меня періодъ жизни спокойной и пріятной. Я былъ уважаемъ какъ учениками, такъ и хозяевами квартиры, и въ то же время былъ въ дружественныхъ отношеніяхъ съ товарищами по классу. Во время рождественскихъ праздниковъ я выѣзжалъ въ М.; морозы были довольно сильные, а у меня тогда еще не было другой теплой одежды. Однако молодая кровь грѣла. Я не чувствовалъ дѣйствія холода, хотя пальто мое скорѣе могло служить для лѣтнихъ прохладныхъ ночей, чѣмъ для зимы. Мысль о скоромъ свиданіи съ родными и интересными для меня лицами поддерживала теплоту крови, и она успѣвала парализовать дѣйствіе морозовъ. Впрочемъ, за мое ревностное стремленіе видѣться съ родными, я получилъ выговоръ довольно серьезный отъ матери, которую я встрѣтилъ на улицѣ, и которая, побранивъ меня за мое смѣлое предпріятіе, отправила меня домой, а сама пошла за предположенными покупками. Этихъ праздниковъ я совершенно не помню, и, можно сказать, потому, что они прошли обыкновеннымъ обыденнымъ порядкомъ, какъ и всякое другое время.

Послѣ праздниковъ въ моей душѣ сильно зашевелилась мысль о предстоящемъ окончательномъ экзаменѣ. Она меня безпокоила тѣмъ сильнѣе, чѣмъ рѣзче вырабатывалось желаніе получить какое-либо преимущество, которое бы вполнѣ соотвѣтствовало моимъ успѣхамъ въ предыдущихъ классахъ. Мнѣ казалось довольно несообразнымъ, получая во всѣхъ классахъ награды, оканчивая заведеніе, выйти изъ него съ однимъ аттестатомъ. Побуждаемый этою мыслью, я началъ заблаговременно работать. Но, чтобы сильнѣе укрѣпить въ себѣ стараніе, я рѣшился на праздники Р. Х. уѣхать въ Р., чтобы, отдохнувъ немного, взяться за дѣло съ новыми силами, новымъ усердіемъ. Я согласился съ А. Э. и Э. С. ѣхать вмѣстѣ, и мы намѣрены были отправиться на почтовыхъ сейчасъ же послѣ исповѣди и причастія. Однако вскорѣ планъ нашъ разстроился, ибо за Э. С. прислали лошадей. Такъ какъ мы согласились ѣхать вмѣстѣ, то и принуждены были ѣхать на его лошадяхъ. Дорога была несносная. Разставшій снѣгъ вездѣ наполнялъ водою дороги, и намъ пришлось ѣхать очень медленно, перенося различныя испытанія. На дорогѣ у меня около праваго глаза образовался огромный вередъ, который уничтожилъ во мнѣ веселое настроеніе. Онъ повредилъ мнѣ во многомъ, ибо по пріѣздѣ въ Р. я долженъ былъ нѣсколько дней просидѣть дома. Мы пріѣхали въ Р. довольно рано, и я рѣшился заѣхать къ Я. Н. Войдя въ домъ, я никого не нашелъ въ немъ; несмотря на это, я велѣлъ извозчику сносить вещи. Бабушка, находившаяся въ то время во флигелѣ, замѣтя такое смѣлое распоряженіе незнакомаго лица въ чужомъ домѣ, выслала служанку узнать о причинѣ моего пріѣзда и въ то же время посовѣтовать мнѣ обождать до прибытія хозяина дома и не торопиться со вносною вещей. Служанка, настроенная старухой важно вступила въ комнату, гдѣ я началъ уже распаковывать чемоданъ, и, желая казаться представительницей дома, по причинѣ отсутствія хозяевъ, начала что-то глагольствовать повышеннымъ тономъ, желая тѣмъ самымъ указать на ея теперешнее значеніе; но, видя, что я на ея привѣтственныя фразы не обращаю вниманія, нѣсколько разъ посмотрѣла на меня подозрительно и съ видимымъ недоумѣніемъ отправилась восвояси, недовольная неудавшимся посольствомъ. Изумленная разсказами служанки, старуха рѣшилась сама изслѣдовать причину моего пріѣзда и въ то же время намекнуть мнѣ въ неумѣстномъ моемъ распоряженіи въ чужомъ домѣ. Я былъ вполнѣ увѣренъ, что она меня не узнаетъ, а потому и замаскировался. Я объявилъ себя чиновникомъ, пріѣхавшимъ изъ столицы съ важнымъ пору-

ченіемъ. Въ это время она приняла видъ весьма радушной и гостепріимной хозяйки, но все таки намекнула мнѣ, что мои смѣлыя распоряженія въ чужомъ домѣ могутъ повлечь за собою худыя послѣдствія. Не желая удерживать ее въ недоумѣніи, я рѣшился открыть себя, вслѣдъ за чѣмъ послѣдовали слезы съ ея стороны, какъ чувствительной бабушки, возрадовавшейся явленіемъ ея любимаго внука. Въ это время она смотрѣла на меня съ особеннымъ наслажденіемъ и безпрестанно благодарила Бога, позволившаго ей еще разъ видѣть своего внука. Я однако, не дождавшись Я. Н., одѣлся поприличнѣе и отправился въ домъ Л. С. Тамъ меня тоже не узнали, не предполагая, чтобы я могъ пріѣхать на праздники В. Х. Семья Л. С. была приглашена на время праздниковъ въ деревню. Они хотѣли, чтобы и я ѣхалъ съ ними, но мнѣ однако удалось отказаться, чему я былъ очень радъ, потому что время провелъ я въ Р. довольно весело: постоянно бывалъ на вечерахъ, даваемыхъ чиновниками города. Но впрочемъ и этотъ праздникъ не обошелся безъ странныхъ приключеній. Послѣ всенощной, выйдя изъ церкви, я остановился у церковнаго крыльца, чтобы вмѣстѣ съ Я. Н., который не окончилъ еще своихъ моленій, отправиться въ его домъ. Въ это время одна дѣвица П. Л. подошла ко мнѣ, и, начавъ со мною разговоръ, заставила своимъ движеніемъ оставить занятое мною мѣсто. Во время бесѣды я до такой степени увлекся разговоромъ, что не замѣтилъ, какъ очутился возлѣ ея дома, который находился отъ церкви на довольно значительномъ разстояніи. Однако, несмотря на ея просьбы, я не рѣшился зайти въ домъ, желая поспѣшить къ Я. Н. Едва я вступилъ на крыльцо его дома, какъ былъ пораженъ неестественно сердитымъ видомъ Я. Н., который, какъ замѣтно, приготовилъ мнѣ привѣтъ довольно оскорбительный. Вмѣсто привѣтствій, приличныхъ этому дню, онъ со злобою сказалъ, что хотѣлъ уже и вещи мои переслать въ домъ Л. С., гдѣ, по его мнѣнію, я долженъ былъ быть до этого времени. Это меня сильно взволновало. Я оставилъ ту комнату, въ которой онъ былъ, и ушелъ въ маленькую, чтобы тамъ наединѣ излить тоску души своей, что мнѣ пришлось такимъ образомъ встрѣтить столь долго ожидаемый праздникъ. Пробывъ, впрочемъ, у него не долго, я отправился въ домъ Л. С., гдѣ радостные и веселые пріемы членовъ оставшейся семьи развѣяли тучи, вызванныя недавно случившимся. Послѣ этого я началъ постоянно разрывать цѣпи, наложенныя на меня стремленіями Я. Н., и часто отказывался отъ собственнаго удовольствія, чтобы только дать себѣ возможность дѣйствовать болѣе или менѣе самостоятельно.

На второй день праздника я былъ приглашенъ на вечеръ въ домѣ Д. Э., гдѣ была именинница. Съ утра я затѣялъ приготовляться къ этому торжественному балу, на которомъ намѣрены были быть всѣ знатныя лица города. Однако мои планы разстроились. Я. Н., или съ какою-либо тайной цѣлью, или изъ особенныхъ видовъ уговорилъ меня итти съ нимъ съ поздравленіями. Совѣстно было отказаться, и я рѣшился. Но что же вышло. Онъ повелъ меня по всѣмъ лачужкамъ, гдѣ я встрѣчался постоянно съ лицами, мнѣ не знакомыми, и гдѣ мое присутствіе было совершенно неумѣстно. По необходимости я принужденъ былъ въ нѣкоторыхъ домахъ ограничиться только видомъ наружности ихъ, не входя въ комнаты, что, впрочемъ, не ускользнуло отъ вниманія любопытныхъ, и они почтили меня названіемъ „гордый“ сравнительно съ Я. Н. Въ семь часовъ вечера я отправился въ домъ Д. Э., гдѣ уже всѣ комнаты были наполнены гостями. Открылись танцы, которые тогда служили единственнымъ развлеченіемъ молодежи. Во время этого вечера я былъ приглашенъ на другой вечеръ къ К., но, идя къ нему, я встрѣтился съ гуляющими дѣвицами, присоединился къ нимъ и, проходя съ одной улицы на другую, совершенно забылъ о моемъ намѣреніи и такимъ образомъ опоздалъ. Поздно же не хотѣлось уже итти, и я счелъ за лучшее оставить свое намѣреніе. Объ этомъ моемъ поступкѣ узналъ Я. Н. Вечеромъ, когда всѣ домашніе собрались, онъ началъ высказывать свое неудовольствіе, а я, замѣтя это, рѣшился защищать самостоятельность своихъ дѣйствій, вслѣдствіе чего между нами произошла размолвка, окончившаяся недовольствомъ другъ другомъ. Это натянутое отношеніе продолжалось почти до времени моего выѣзда изъ Р. На четвертый день праздниковъ пріѣхала изъ деревни семья Л. С. и тѣмъ открыла новое поле для увеселеній. Но сколько ни веселись, все-таки наступитъ моментъ, который заставитъ человѣка отказаться отъ развлеченій и приняться за серьезное дѣло. Такимъ моментомъ для меня было время выѣзда въ гимназію. Все исчезло, какъ видѣніе, оставивъ только по себѣ пріятное воспоминаніе.

Я пріѣхалъ въ С. и началъ заниматься приготовленіемъ къ экзамену. Чѣмъ ближе было время экзамена, тѣмъ тревожнѣе было состояніе духа, блуждающаго въ непроницаемомъ туманѣ неопредѣленнаго. Различныя предположенія неудачнаго окончанія дѣла, случайная возможность неосуществленія предположенныхъ желаній возмущали душевное спокойствіе. Наконецъ наступило время окончательнаго испытанія. Насколько мнѣ при-

ходилось душевно содрогаться передъ началомъ каждаго экзамена, настолько послѣ окончанія душа наслаждалась спокойствіемъ и довольствомъ. Экзамены окончились для меня удачно. Едва окончилось послѣднее засѣданіе членовъ Педагогическаго Совѣта, какъ всѣ уже знали, что я и В. получили право на чинъ 14-го класса. Это наше возвышеніе не понравилось многимъ, желавшимъ стать выше насъ.

На другой день послѣ засѣданія, учитель В., призвавъ меня къ себѣ, поздравилъ съ чиномъ, доставившимъ мнѣ внутреннее удовлетвореніе.

Чтобы попрощаться приличнымъ образомъ съ учителями, мы рѣшили устроить имъ балъ. Мѣстомъ его былъ избранъ садъ П. Тутъ представилась картина, вполнѣ достойная воспоминанія. Видъ учениковъ, окончившихъ только-что гимназію и довольныхъ тѣмъ, что имъ удалось хоть этимъ путемъ выразить свою благодарность за труды учителей, и видъ послѣднихъ, замѣчающихъ въ своихъ питомцахъ чувство искренняго уваженія къ ихъ значенію, рождали въ душѣ зрителя благотворныя мысли.

Послѣ этого вечера, оставившаго въ насъ неизгладимое впечатлѣніе, каждый изъ насъ задумалъ уѣзжать. У меня извозчикъ былъ нанятъ еще двумя днями предъ этимъ торжественымъ днемъ. И вотъ на другой день, когда я еще спалъ и видѣлъ сладкія грезы, навѣянныя прошедшими событіями, еврей, подъѣхавшій къ моей квартирѣ, разбудилъ меня и напомнилъ, что пора выѣзда наступила. Но у меня еще не было свидѣтельства, и я, уговоривъ извозчика обождать нѣсколько часовъ, сейчасъ же отправился къ директору, который немедленно снабдилъ меня свидѣтельствомъ, ибо аттестатъ долженъ былъ быть отосланъ къ Попечителю Округа. Собравшись совершенно и попрощавшись съ кѣмъ успѣлъ, я съ грустью и сожалѣніемъ оставилъ можетъ быть навсегда г. С., бросая слезные взоры на мелькавшіе дома, около которыхъ мнѣ пришлось проѣзжать. Съ какимъ нетерпѣніемъ я ожидалъ прежде окончанія гимназіи, съ такимъ же сожалѣніемъ я оставлялъ ее теперь. Мнѣ бы хотѣлось остановить умчавшееся время, чтобы еще облачиться въ форму ученика и возобновить ученическую жизнь, но, увы, минувшаго возвратить нельзя, и оно осталось только неизгладимымъ въ воспоминаніи. Всю дорогу я провелъ въ размышленіи о прошедшемъ и мечтѣ о будущемъ, и только видъ нашего дома, къ которому я подъѣхалъ, измѣнилъ мои мысли. Въ 7 часовъ утра я былъ уже дома. Всѣ домашніе встрѣтили меня

съ большою радостью, тѣмъ болѣе, что въ эту минуту я своимъ появленіемъ разсѣялъ мысль, тяготившую ихъ въ послѣднее время о моемъ намѣреніи прямо изъ С. ѣхать въ университетъ. Первые дни моего пребыванія дома пролетѣли незамѣтно въ разсказахъ о различныхъ случаяхъ, встрѣчавшихся во время разлуки, но потомъ наступило время подумать о дальнѣйшемъ моемъ образованіи. Въ это время положеніе мое было затруднительное, между тѣмъ какъ оно, смѣняясь день за днемъ, все рѣзче и рѣзче напоминало о необходимости скораго выѣзда, но куда именно, этотъ вопросъ не былъ еще рѣшенъ. Кромѣ того я затруднялся въ выборѣ факультета. Въ моемъ воображеніи постоянно смѣнялись одинъ другимъ: математическій, юридическій и медицинскій факультеты, и всякій изъ нихъ казался для меня доступнымъ. Но математическій привлекалъ меня болѣе всѣхъ, однако какая-то невидимая сила, приковывая и привлекая меня ко всѣмъ сказаннымъ факультетамъ, не дозволяла мнѣ принять тотъ или другой кругъ дѣятельности. Необходима была побудительная причина. Ее-то я хотѣлъ найти въ совѣтахъ отца, къ которому я и обратился съ вопросомъ, но онъ, не желая связывать моей личной воли, предоставилъ выборъ мнѣ самому.

Въ одинъ прекрасный іюльскій день, по возвращеніи брата моего М. изъ канцеляріи, мы сѣли съ нимъ около раствореннаго окошка, обращеннаго на улицу, и, разсматривая проходящихъ, разговаривали между собою о предстоящемъ времени моего выѣзда; разговоръ нашъ по причинѣ своей неопредѣленности какъ-то не клеился, и мы больше заинтересованы были открывавшеюся намъ изъ окна картиною равнины, прорѣзанной волнующеюся рѣкою, нежели своимъ разговоромъ. Вдругъ братъ мой всталъ со стула и началъ присматриваться къ какой-то незнакомой по виду личности. Чѣмъ ближе она приближалась, тѣмъ пристальнѣе онъ всматривался въ черты ея лица. Наконецъ, узнавъ въ ней бывшаго нашего товарища по училищу, онъ опрометью бросился на улицу къ нему навстрѣчу и послѣ дружественныхъ привѣтствій и разспросовъ онъ пригласилъ его къ себѣ. Но тотъ, по причинѣ спѣшнаго дѣла, отложилъ свой визитъ къ намъ до перваго удобнаго случая. На другой день онъ явился къ намъ и въ комнатѣ встрѣтилъ меня перваго. Онъ меня не узналъ, ибо я дѣйствительно со времени разлуки съ нимъ значительно перемѣнился. Послѣ нѣсколькихъ словъ нашего разговора, я узналъ, что цѣль его прибытія въ М. была та же, которая заставляла меня оставить въ скоромъ времени

этотъ городъ. Это извѣстіе не мало меня обрадовало, потому что послѣ разговора съ нимъ время и мѣсто моего отъѣзда сдѣлалось болѣе опредѣленнымъ.

Главная тема нашего разговора была — избраніе факультета. Я, не зная его намѣренія, началъ возносить математическій факультетъ и какъ-то невольно заявилъ свое намѣреніе поступать на оный, и въ ту же минуту я узналъ, что мы сошлись въ своихъ планахъ. Имѣя въ виду одинъ и тотъ же факультетъ, мы рѣшились и ѣхать вмѣстѣ въ Кіевскій университетъ, чтобы, нанявъ въ Кіевѣ общую квартиру, заниматься вмѣстѣ. Время нашего выѣзда изъ М. было назначено 10-го іюля въ 10 часовъ вечера. Наконецъ наступилъ незамѣтно и день выѣзда. Всѣ наши домашніе ожидали извозчика до 11 часовъ, но потомъ, утомленные нетерпѣливымъ ожиданіемъ, рѣшились немного вздремнуть, только я и моя сестра Н. были болѣе терпѣливы. Совершенно приготовленный къ дорогѣ, я сидѣлъ на чемоданѣ, утопая въ мысляхъ о предстоящемъ отъѣздѣ, о времени поступленія въ университетъ, и эти мысли уносили меня въ волшебный и очаровательный міръ. Сестра моя, сидя около окна, устремила все свое вниманіе на меня, какъ бы желая своимъ испытующимъ взоромъ проникнуть въ сферу моихъ мыслей. Ея нѣжное лицо, освѣжаемое по временамъ повѣваніемъ лѣтняго ночного вѣтерка, выражало какую-то неуловимую задумчивость, и ея едва замѣтное періодическое встряхиваніе головой, казалось, выражало желаніе отбросить и разсѣять мысли, которыя наполняли въ эту минуту ея душу. Звукъ подъѣхавшаго экипажа вывелъ насъ изъ этого задумчиваго положенія. Мы взглянули другъ на друга, и въ эту минуту неуловимое выраженіе тоски мгновенно отразилось на нашихъ лицахъ. Мы оставили свои мѣста и рѣшились разбудить всѣхъ спящихъ, чтобы совершить обрядъ прощанія. Въ это время ударилъ часъ ночи. Я былъ радъ, что отецъ и мать, находясь подъ вліяніемъ сна, распрощались со мной безъ лишнихъ слезъ, которыхъ я всегда былъ врагомъ. Слезы всегда вызывали во мнѣ какую-то досаду, и я уѣхалъ въ этотъ разъ гораздо спокойнѣе по причинѣ ихъ отсутствія.

Нетерпѣливое наше желаніе скорѣе достигнуть мѣста, въ которое мы стремились, дѣлало нашу поѣздку и скучною и продолжительною. Къ счастью, нѣкоторыя случайныя происшествія насъ немного развлекали. На дорогѣ мы приняли еще одного пассажира—еврея, который ѣхалъ тоже въ университетъ, и онъ своими странностями насъ немного развлекалъ.

На половинѣ дороги нанятый нами извозчикъ своими продѣлками часто выводилъ насъ изъ терпѣнія, что и разряжалось бранью. Наконецъ мой спутникъ, выведенный изъ терпѣнія, обратился за содѣйствіемъ станового пристава, который сильно напугалъ извозчика и тѣмъ заставилъ его измѣнить методъ своихъ поступковъ.

Подъѣзжая къ Кіеву, я имѣлъ случай видѣть слѣды страшнаго опустошенія, произведеннаго бурею. Почти на разстояніи нѣсколькихъ десятковъ верстъ дремучіе лѣса испещрялись громадою вываленныхъ разрушительною силою вѣтра деревьевъ. Находившіяся на пути направленія вѣтра деревни съ полуразвалившимися домами представляли не менѣе поразительное зрѣлище, которое увеличивалось печальнымъ выраженіемъ лицъ встрѣчавшихся крестьянъ, пострадавшихъ отъ бури. Лишившись единственнаго пріюта, они расположились цѣлымъ табором на улицахъ полуразрушенной деревни. На четвертый день послѣ нашего выѣзда изъ М., въ 5 часовъ утра мы наконецъ замѣтили позлащенныя главы Кіевскихъ храмовъ. Казалось, цѣль была достигнута, и мы находились въ глазахъ города, но много еще пришлось намъ проѣхать, пока мы очутились въ самомъ городѣ. Видъ города меня сильно поразилъ. Я съ восхищеніемъ бросалъ взоры на всѣ стороны и вездѣ находилъ что-либо новое для любопытнаго глаза. Но глазъ человѣческій, по своему свойству, скоро привыкаетъ къ новымъ предметамъ, и стоитъ только разъ пристально всмотрѣться въ новые предметы, чтобы потомъ смотрѣть на нихъ, какъ на вещь давно видѣнную. То же случилось и со мной; все, что прежде поражало взоръ и обращало на себя сильное вниманіе, нѣсколько спустя дѣлалось обыкновеннымъ.

V. Въ Кіевѣ. Первыя впечатлѣнія.

По пріѣздѣ въ Кіевъ, мы остановились на Хоревой улицѣ, на Подолѣ. Въѣхавъ во дворъ постоялаго дома, загроможденнаго множествомъ повозокъ, я, оставивъ своего спутника около тарантаса стеречь вещи, отправился по лѣстницѣ, ведущей на второй этажъ гостиницы, къ хозяину, чтобы занять номеръ и условиться о цѣнѣ; но каково же было мое удивленіе, когда хозяинъ, вышедшій съ видомъ самонадѣянности мнѣ навстрѣчу, указавъ мнѣ на маленькую въ одну кубическую сажень комнатку, потребовалъ отъ меня рубль серебра въ сутки. Это заставило меня не мало задуматься, тѣмъ болѣе, что нельзя было предуга-

дать, сколько сутокъ придется намъ просидѣть въ гостиницѣ до отысканія постоянной квартиры. Съ печальнымъ видомъ я возвращался къ тарантасу и придумывалъ средства выйти изъ этого невыгоднаго для меня положенія. Къ счастью моему, я встрѣтилъ около крыльца какую-то женщину. Я подошелъ къ ней началъ разспрашивать о квартирѣ и между прочимъ разсказалъ ей свою встрѣчу съ хозяиномъ гостиницы, и просилъ ее указать мнѣ болѣе выгодное и для себя и для кармана кратковременное помѣщеніе. Она посовѣтовала мнѣ обратиться къ священницѣ Пил., которая жила недалеко отъ гостиницы, и, имѣя обширное помѣщеніе, отдавала свои комнаты въ наемъ для пріѣзжающихъ. Я не замедлилъ послѣдовать ея совѣту. Войдя въ указанный мнѣ домъ, я встрѣченъ былъ старушкою, которой по виду казалось лѣтъ пятьдесятъ. Это была хозяйка дома. Кроткое выраженіе ея лица, ласковый пріемъ обѣщали мнѣ удачный успѣхъ. Я разсказалъ ей причину своего пріѣзда въ Кіевъ и откуда я прибылъ. Это послѣднее свѣдѣніе произвело на нее пріятное впечатлѣніе, потому что она сама была родомъ изъ тѣхъ же мѣстъ. Мнѣ какъ-то не хотѣлось разочаровываться въ надеждѣ на предполагаемую удачу имѣть за удобную для насъ цѣну хорошее помѣщеніе, а потому я долго не рѣшался открыть ей причину своего визита. Но наконецъ я приступилъ къ дѣлу. Она съ готовностью предложила мнѣ довольно обширную и опрятную комнату и потребовала самую умѣренную плату. Я съ радостью принялъ ея предложеніе и сейчасъ же опрометью бросился на постоялый дворъ, что бы перевезти свои вещи. Устроившись немного въ новомъ кратковременномъ жилищѣ, я съ товарищемъ отправился узнать, гдѣ находится университетъ, и вмѣстѣ увидѣться съ знакомымъ мнѣ С., который жилъ въ университетѣ. Это было въ два часа по полудни. Жаръ былъ невыносимый, какого намъ никогда не приходилось испытывать въ мѣстахъ прежняго жительства. Преслѣдуемый сильнымъ зноемъ, котораго дѣйствіе еще сильнѣе увеличивалось отъ путешествія нашего на гору, которою сообщается Подолъ съ Крещатикомъ, я едва могъ достигнуть до половины Крещатика. Почувствовавъ сильное утомленіе, я не могъ итти дальше и принужденъ былъ взять извозчика, который и привезъ насъ къ университету. Величіе зданія и красота архитектуры поразили насъ, и мы невольно простояли около часа подъ стѣнами того зданія, въ которомъ мы должны были довершить свое образованіе. Наконецъ взоръ нашъ насытился видомъ сего зданія, и мы отправились искать моего знакомаго. Но тщетны были наши поиски въ томъ

зданіи, гдѣ одинъ житель не знаетъ другого; потерявъ надежду его отыскать, мы отправились на свою квартиру, чтобы утолить голодъ, который замѣтнымъ образомъ далъ себя чувствовать. Послѣ завтрака, горя нетерпѣливымъ желаніемъ скорѣе отыскать С., который бы могъ намъ немало принести пользы въ смыслѣ ознакомленія съ городомъ, я отправился снова въ университетъ. Послѣ долгихъ исканій и разспросовъ, я наконецъ напалъ нечаянно на старика-служителя при студенческой больницѣ, указавшаго мнѣ корридоръ, въ которомъ жилъ мой знакомый. Войдя въ указанный корридоръ, я увидѣлъ множество дверей, которыя меня снова озадачили. Я бросился въ первую дверь и былъ встрѣченъ молодою женщиною, которая меня отправила дальше. Отворивъ вторую дверь, я былъ встрѣченъ четырьмя старичками — служителями больницы, и тутъ-то окончился предѣлъ моего мытарства. Послѣ нѣкотораго совѣщанія одинъ изъ служителей привелъ меня къ дверямъ, отворивъ которыя, я увидѣлъ молодого человѣка въ сѣренькомъ сюртучкѣ, сидѣвшаго въ вольтеровскомъ креслѣ за книгою. Въ немъ-то я и узналъ того, котораго такъ долго искалъ. Въ мгновеніе, когда встрѣтились наши взоры, съ радостнымъ восклицаніемъ: „ахъ!“ мы бросились другъ другу въ объятія.

Исполненный неописанной радости, что мнѣ удалось наконецъ найти знакомое лицо въ городѣ, я попросилъ его ознакомить меня на первыхъ порахъ съ болѣе интересными видами города. Онъ повелъ меня на площадь, окружающую церковь Андрея Первозваннаго и находящуюся на одномъ изъ большихъ возвышеній города. Картина, открывшаяся моему взору, была восхитительна. Передо мной открылась цѣлая Подольская часть, находящаяся въ долинѣ и омываемая Днѣпромъ. Лучи палящаго солнца, отраженные отъ разнообразно окрашенныхъ желѣзныхъ крышъ и широко разлитой рѣки, образовали чудную картину. Я долго не могъ оторвать своего взора отъ представившагося моему вниманію вида, но невыносимо-сильный зной заставилъ наконецъ почувствовать необходимость искать болѣе прохладнаго пріюта. Сойдя съ этой площади, мы разошлись восвояси, ибо мой знакомый, побуждаемый дѣлами службы, спѣшилъ домой, чтобы устроить все, составляющее предметъ его профессіональной дѣятельности, притти къ намъ на цѣлый вечеръ. Хотя я не былъ еще ознакомленъ съ мѣстностью города, однако, замѣтивъ болѣе рельефные предметы, расположенные на пути къ моей квартирѣ, я, не блуждая, возвратился домой.

На Подолѣ мой взоръ привлеченъ былъ колодцемъ, надъ которымъ устроена статуя Самсона, раздирающаго пасть льва, изъ которой вытекаетъ струя чистой кристалловидной воды, служащей самымъ лучшимъ средствомъ для утоленія жажды, вызванной необходимостью взбираться на горы. Около этого колодца всегда можно видѣть огромное стеченіе людей, изъ коихъ часть привлечена любопытствомъ видѣть устройство фонтана, а другая часть—необходимостью прохладиться и освѣжить свои силы. Сію послѣднюю легко отдѣлить отъ общей массы по выраженію лица, которое рельефно представляетъ досаду и нетерпѣливое желаніе скорѣе достигнуть возможности приблизиться къ колодцу и удовлетворить своей жаждѣ. Отъ стремленія каждой личности—приблизиться къ нему прежде другихъ всегда происходитъ толкотня, которая рѣдко проходитъ безъ приключеній. Заинтересовавшись однимъ изъ такихъ приключеній, я вдругъ услышалъ звукъ, который казался происходящимъ отъ одновременнаго удара по нѣсколькимъ колокольчикамъ различной величины. Этотъ звукъ повторился нѣсколько разъ и потомъ умолкъ. Желая узнать причину этого явленія, я обратился къ близъ стоявшей около меня личности съ вопросомъ по этому предмету. Онъ, осмотрѣвши меня съ головы до ногъ, съ замѣчаніемъ, что видно я новичекъ въ этомъ городѣ, объяснилъ мнѣ, что это часы въ Лаврѣ пробили двѣнадцать часовъ. Только-что успѣлъ онъ окончить свою фразу, какъ послышался выстрѣлъ изъ пушки. А это что? спросилъ я его. Это, батюшка—родимый, сигналъ, означающій, что уже двѣнадцать часовъ, и служащій средствомъ для всякаго, имѣющаго свои часы, свѣрять ихъ. Послѣ этого онъ началъ разсказывать мнѣ, кто всѣмъ этимъ занимается и кто ввелъ это въ употребленіе, но я, видя его страстишку высказывать свои знанія, оставилъ его и пошелъ восвояси, чтобы распорядиться на счетъ обѣда, потребность въ которомъ сильно отозвалась въ моемъ усталомъ организмѣ.

Въ 4 часа по полудни явился С., и мы провели время до глубокой ночи въ разсказахъ о прошедшей нашей жизни и преимущественно въ обсужденіи того предмета, который былъ причиною нашего пріѣзда въ Кіевъ. Такъ какъ было уже поздно, мы оставили его у себя ночевать.

На другой день, по просьбѣ нашей, онъ отправился въ городъ отыскивать намъ квартиру. Къ вечеру квартира была нанята, и мы на слѣдующій день, распрощавшись съ своей хозяйкой, переѣхали въ нее. Нанятая нами квартира находилась на Тарасіевской улицѣ въ домѣ полковницы Сув. Она состояла

изъ одной довольно обширной комнаты и, что важнѣе всего, она была недалеко отъ университета. Переѣхавъ на новую квартиру, мы сейчасъ же занялись мыслью о поступленіи въ университетъ. Но мысль эта, насколько радовала и интересовала насъ, настолько, вслѣдствіе неудобствъ жизни, помрачалась обстоятельствами, съ которыми трудно было на первыхъ порахъ свыкнуться.

Мы столовались въ сосѣднемъ домѣ. Скудный обѣдъ нашъ, служа намъ пищею на цѣлый день, былъ недостаточенъ для утоленія голода, и не разъ приходилось голоднымъ садиться за столъ и такимъ же вставать изъ-за него. Чтобы помочь бѣдѣ, мы рѣшились покупать на базарѣ хлѣбъ и масло, которые не разъ служили намъ дессертомъ послѣ обѣда, а также ужиномъ и завтракомъ. Но масло, впрочемъ, оказалось для насъ неудобнымъ по неимѣнію сосуда, въ которомъ можно было бы его держать, а также и по неимѣнію мѣста, гдѣ бы можно было сохранять его отъ дѣйствія теплоты; по этой причинѣ оно въ скоромъ времени было замѣнено свинымъ саломъ. Случалось не разъ, несмотря на сильное желаніе ѣсть, отказываться отъ обѣда по причинѣ отвратительнаго вкуса подаваемыхъ блюдъ. Однажды я съ такимъ энтузіазмомъ отскочилъ отъ стола, что едва не разломалъ стула, на которомъ сидѣлъ. Причиною тому была жареная картофель, вкусъ которой явнымъ образомъ указывалъ намъ присутствіе въ ней свѣчного сала. Не менѣе этого мучили насъ отвратительныя щи, приготовленныя изъ скорлупинъ гороха, боба и фасоли, которыя напоминали намъ нѣчто въ родѣ ѣды, приготовляемой для рогатаго скота. Отказаться отъ стола было невозможно, такъ какъ мы по неопытности своей заплатили хозяйкѣ за два мѣсяца впередъ. Впрочемъ, мы за мѣсяцъ сорвали, а за остальныя деньги должны были обѣдать у нея до конца мѣсяца.

Первою нашею заботою, обезпечивши себя столомъ и квартирою, было поступленіе въ университетъ. Въ послѣднихъ числахъ іюля мы, написавъ прошенія, отправились съ ними для подачи. Прошенія были написаны на имя попечителя округа, и намъ казалось, что ему и нужно было подавать. Мы и отправились къ помощнику попечителя, потому что самого попечителя не было въ городѣ. Помощникъ попечителя, какъ это не къ нему относилось, отправилъ насъ въ канцелярію. Много труда стоило намъ, пока мы отыскали канцелярію. Такъ какъ намъ казалось, что всѣ дѣла, относящіяся къ университету, совершаются въ канцеляріи попечителя, то очень возрадовались, увидѣвъ нако-

нецъ вывѣску съ надписью „Канцелярія Попечителя". Но и здѣсь намъ не удалось осуществить свое желаніе, ибо, пройдя всѣ комнаты этой канцеляріи и обезпокоивъ всякаго попавшагося намъ навстрѣчу, мы наконецъ узнали, что прошенія о поступленіи въ университетъ нужно подавать ректору университета. Искать квартиры ректора мы уже не были въ состояніи, будучи сильно изнурены, и мы отложили свои намѣренія до слѣдующаго дня.

На другой день, въ 10 часовъ, мы отправились къ ректору, который къ нашему утѣшенію жилъ на той же улицѣ, гдѣ была и наша квартира, и мы такимъ образомъ по крайней мѣрѣ избавились отъ невыносимыхъ отъ зноя прогулокъ по мостовымъ города К. Мы вошли въ его квартиру. Первымъ лицомъ, попавшимся намъ навстрѣчу, была его дочь, которая, какъ замѣтно было по обстановкѣ, передъ нашимъ приходомъ занималась музыкой, но, услышавъ наши шаги, встала съ занимаемаго ею прежде мѣста и приблизились къ дверямъ, чтобы насъ встрѣтить, полагая, что мы изъ числа ея знакомыхъ; но наше появленіе, какъ существъ ей совсѣмъ незнакомыхъ, заставило ее отойти на средину залы, гдѣ она, отвѣтивъ мастерски на нашъ привѣтливый поклонъ, указала намъ боковую дверь, за которою въ вольтеровскомъ креслѣ сидѣлъ передъ столомъ, заброснннымъ книгами и бумагами, ея отецъ, исполняющій должность ректора университета. Это былъ старикъ съ довольно симпатичнымъ и пріятнымъ лицомъ германскаго типа. Голова его казалась немного подавшеюся впередъ, что, конечно, произошло отъ умственнаго усидчиваго труда, свойственнаго людямъ его положенія. Онъ принялъ насъ благосклонно, съ непритворною вѣжливостью и, предложивъ намъ стулья, завелъ съ нами разговоръ о нашемъ интересѣ. Пересмотрѣвъ тщательно врученные нами документы и вчитавшись въ содержаніе нашихъ аттестатовъ, въ которыхъ, какъ въ одномъ, такъ и въ другомъ, было написано, что мы окончили гимназію съ правомъ на чинъ 14-го класса,—онъ наконецъ намъ объявилъ, что насъ будутъ экзаменовать только по русскому языку. Это извѣстіе насъ обрадовало, и въ воображеніи нашемъ снова начала проясняться надежда на поступленіе въ университетъ, уничтоженная предъ тѣмъ разсказами о несчастныхъ случаяхъ, встрѣчавшихъ поступающихъ въ университетъ во время экзамена.

VI. Студентъ Кіевскаго Университета.

Окончаніе университетскаго курса.

1-е августа 1859 года было назначено днемъ испытанія для поступленія въ университетъ. До 1-го августа оставалось нѣсколько дней, которые мы, т.-е. я и товарищъ, посвятили подготовкѣ къ экзамену и разсматриванію города, который своими привлекательными видами увлекалъ наше вниманіе на всякомъ шагу.

Величественность и изящество церквей и строеній, чудно обдѣланныя горы поглощали все наше вниманіе и приводили въ удивленіе. Наканунѣ 1-го числа, я, идя мимо университета, замѣтилъ на дверяхъ его приклеенный листъ бумаги, около котораго суетилось нѣсколько молодыхъ людей. Я подошелъ туда, и первое слово, бросившееся мнѣ въ глаза, была моя фамилія помѣщенная въ числѣ лицъ, приглашаемыхъ къ испытанію. Сильно забилось ретивое при видѣ этого листа бумаги, исписаннаго фамиліями, и дрожь пробѣжала по моему тѣлу при мысли, что въ слѣдующій день рѣшится моя участь. Сейчасъ же я побѣжалъ на квартиру, чтобы передать видѣнное мною моему товарищу.

Цѣлый вечеръ мы провели въ кругу своихъ товарищей, которые точно такъ же, какъ и мы, заинтересованы были слѣдующимъ днемъ, и одинъ другого старался напугать предположеніемъ случайности неудачнаго экзамена.

Со страхомъ, трепетомъ и усиленнымъ біеніемъ сердца, я, забравъ необходимыя книги и тетради, отправился на экзаменъ. Войдя въ университетъ, я встрѣтилъ въ корридорѣ огромное множество молодыхъ людей, разбившихся на группы, въ которыхъ была одна и та же тема разговора.

Въ 10 часовъ прибывшій въ университетъ ректоръ пригласилъ насъ въ аудиторію, куда мы бросились опрометью, чтобы занять болѣе удобныя мѣста. Такъ какъ былъ экзаменъ по русскому языку, по которому мнѣ только и нужно было экзаменоваться, то я, разложивши передъ собою бумагу и перья, съ волненіемъ ожидалъ прибытія экзаменатора. Но не прошло и пяти минутъ, какъ ректоръ, войдя въ занятую нами аудиторію, раздѣлилъ насъ на три группы и для каждой назначилъ отдѣльную аудиторію. Мнѣ пришлось перейти въ ту аудиторію, въ которой экзаменаторомъ назначенъ былъ профессоръ Лениченко, котораго, по строгости его испытанія, всѣ боялись. Но я,

впрочемъ, былъ спокоенъ, потому что могущая неудача испытанія меня не тревожила, во-первыхъ, потому, что я надѣялся на себя, а, во-вторыхъ, я устроилъ себѣ планъ, въ случаѣ невыдержанія, поступить въ вольнослушатели.

Экзаменаторъ не заставилъ себя долго ожидать. Общій говоръ прекратился, и водворилась тишина, прерываемая по временамъ шелестомъ бумаги, приготовляемой для письма подъ диктовку. Продиктованное было написано, и сочиненіе на заданную тему приготовлено. Мы вышли изъ аудиторіи, волнуемые неизвѣстностью послѣдствій нашего экзамена. Это тревожное состояніе до такой степени овладѣло мною, что я на третій день рѣшился искать квартиры секретаря Совѣта, чтобы отъ него узнать о послѣдовавшемъ результатѣ. Но мнѣ не удалось отыскать его, а потому я и отложилъ свои поиски до слѣдующаго дня.

На другой день, въ 10 часовъ утра, я въ сильно взволнованномъ настроеніи отправился въ канцелярію правленія. Приблизившись къ столику, около котораго сидѣлъ секретарь, я обратился къ нему съ просьбою удовлетворить моему любопытству. Онъ спросилъ мою фамилію, и, пересмотрѣвъ экзаменаціонный листъ, отвѣтилъ на мою просьбу очень лестнымъ выраженіемъ: „Вы зачислены въ число студентовъ по причинѣ очень удовлетворительно выдержаннаго экзамена“. Это извѣстіе до такой степени меня обрадовало, что я съ четвертаго этажа, въ которомъ тогда находилась канцелярія Совѣта, опрометью сбѣжалъ на улицу и быстрыми шагами отправился на квартиру, что бы подѣлиться своею радостью съ товарищами и въ то же время передать и имъ объ удачности ихъ испытанія. На слѣдующій день послѣ испытанія мы устроили у себя пирушку въ честь новаго нашего мундира, въ который мы имѣли уже право облечься. Мы совершенно успокоились и предались разсматриванію города. Но спокойствіе мое было нарушено слѣдующимъ: черезъ недѣлю послѣ нашего испытанія, на тѣхъ же дверяхъ университета, на которыхъ я первый разъ увидѣлъ свою фамилію, я замѣтилъ ее вторично. Мнѣ предстояло новое испытаніе, вопреки увѣреніямъ ректора, который во время моей бытности у него, сказалъ, что мнѣ нужно будетъ экзаменоваться только по русскому языку, а между тѣмъ меня вызывали держать экзаменъ еще по двумъ предметамъ. Не теряя времени, я тотчасъ же отправился къ ректору. Когда я разсказалъ ему о видѣнномъ мною, онъ удивился и приписалъ это ошибкѣ. По его совѣту, я отправился къ секретарю Совѣта, чтобы узнать причину этого

вызова. Отъ него я узналъ, что въ моемъ прошеніи не помѣщенъ факультетъ, на который я желалъ поступить, а потому, чтобы дать мнѣ возможность поступить на какой угодно факультетъ и потомъ переходить съ одного на другой безпрепятственно, меня вызвали къ экзамену изъ двухъ добавочныхъ къ русскому языку предметовъ. Но такъ какъ я рѣшился уже поступить на математическій факультетъ, то и былъ избавленъ отъ лишняго труда. Вызовъ былъ уничтоженъ рукою секретаря, на прошеніи былъ означенъ факультетъ, на который я поступалъ, и я вполнѣ успокоился. Съ неописаннымъ восторгомъ я надѣлъ студенческую форму, и въ моемъ воображеніи засіяло во всемъ блескѣ величіе моего сана. Казалось, въ эту минуту выше меня и важнѣе не было никого въ мірѣ. Итакъ я студентъ университета. Ставши студентомъ, я рѣшился отпраздновать начало новой жизни. Были приглашены товарищи, и мы кутнули порядкомъ. Разогрѣтое напитками воображеніе представило намъ въ эту минуту нашу новую жизнь въ такихъ картинахъ, которыя только встрѣтить можно въ описаніи рая Магомета. Она и дѣйствительно была пріятна, и впечатлѣнія, оставленныя ею, неизгладимы изъ памяти.

Въ самомъ началѣ кругъ моихъ товарищей ограничивался нѣсколькими знакомыми по гимназіи лицами, а также нѣсколькими изъ нашего курса, съ которыми я успѣлъ познакомиться.

Свободное занятіе, ревность къ труду, обширное поле для мысли и ума поглотили меня въ самомъ началѣ. Я чувствовалъ, что началъ умственно развиваться и идти впередъ быстрыми шагами. Это сознаніе послѣдовательно возвышало меня въ своихъ собственныхъ глазахъ. Занятія шли довольно удачно. Я работалъ вмѣстѣ съ нѣсколькими товарищами, которые составляли нашъ кругъ.

28 ноября, когда занятія въ университетѣ прекратились, я, сговорившись съ нѣсколькими товарищами, отправился съ ними въ Р. на праздникъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Воспоминанія И. В. Е. отъ дѣтства до смерти. (1841—1869 г.).

(продолженіе) [1]).

На праздникъ Рождества Христова я уѣхалъ въ Р. вмѣстѣ съ тремя товарищами, которые жили недалеко отъ Р. На третій день нашего путешествія мы прибыли въ имѣніе Б., принадлежащее родителямъ моихъ спутниковъ. Здѣсь мы отдохнули немного и оправились отъ вліянія морозовъ, такъ жестоко преслѣдовавшихъ насъ во всю дорогу. Въ субботу вечеромъ передъ праздникомъ Николая, я на извозчикѣ, привезшемъ насъ въ Б., поѣхалъ дальше: до Р. было еще 60 верстъ, которыя мы проѣхали довольно скоро, ибо въ 2 часа ночи я былъ уже въ Р. Пріѣхавъ въ городъ, я велѣлъ извозчику подъѣхать къ нашему дому, въ которомъ жилъ нашъ родственникъ Я. Н. Б. Несмотря на всѣ наши усилія, зовъ и крикъ, мы не могли разбудить ни одной спавшей въ домѣ души. Видя, что наши дѣйствія напрасны, я принужденъ былъ перелѣзть черезъ заборъ и, такимъ образомъ, достучался въ дверь. Мнѣ отворили. Я велѣлъ вносить свои вещи, къ удивленію служанки, которая не могла себѣ объяснить моего появленія. Произведенный нами шумъ разбудилъ жену Я. Н., его же самого не было дома. Она, выйдя въ ту комнату, гдѣ я расположился, остановилась отъ удивленія, и только мой привѣтъ вывелъ ее изъ этого положенія. Мы просидѣли всю остальную часть ночи въ бесѣдѣ. Съ наступленіемъ дня я началъ собираться къ Л. С. Е., но, желая сдѣлать маленькій сюрпризъ его дочери М. Е., которую я не видѣлъ пять лѣтъ, я рѣшился идти прямо въ церковь, надѣясь тамъ встрѣтить ее. Но это мнѣ не удалось. Едва я подошелъ къ церковной оградѣ, какъ передо мной явился Л. С. Гримаса его мнѣ не

[1]) См. „Русская Старина“ апрѣль-іюнь 1917 г.

понравилась, а холодный, совершенно не родственный пріемъ и почти несообразная встрѣча меня сильно озадачили. Онъ, видимо, чѣмъ-то былъ недоволенъ и встрѣтился со мной такъ, какъ будто-бы мы вчера только съ нимъ разстались. Отъ него я узналъ, что М. Л. Е. нездорова, что заставило меня измѣнить планъ моихъ намѣреній и отправиться прямо въ домъ, что я и сдѣлалъ. Съ взволнованнымъ настроеніемъ приближался я къ дому, въ которомъ мнѣ предстояло радостное свиданіе съ существомъ, которое я любилъ нѣжною братскою любовью. Я вошелъ въ первую комнату и былъ встрѣченъ служанкой, которая, не зная меня, ушла въ отдѣльную комнату, гдѣ было собрано все домашнее общество, чтобы доложить о моемъ прибытіи, принимая меня за чиновника. Не удовлетворившись ея поступкомъ, я самъ отправился вслѣдъ за ней. Въ пріемной комнатѣ я засталъ за письменнымъ столомъ барышню, которая была мнѣ незнакома. Я ее принялъ за сестру и хотѣлъ братски ее привѣтствовать, но она, предугадавъ мои желанія, оставила занимаемое ею мѣсто и ушла въ ту комнату, гдѣ была вся семья. За собою она оставила растворенную дверь, противъ которой сидѣла тетушка Э. Е. Она, завидя меня, произнесла мое имя. Это явленіе такъ сильно подѣйствовало на мою сестру, которая, будучи нездорова, лежала въ кровати, что съ нею сдѣлалось дурно, и она начала плакать. Послѣ перваго привѣтствія, она попросила меня выйти въ другую комнату, чтобы самой одѣться. Удовлетворивъ ея желанію, я расположился на диванѣ въ залѣ и началъ разсказывать Э. Е. о своей прошедшей жизни. Черезъ полчаса вышла М. Л., и мы начали забрасывать другъ друга нѣжными выраженіями. Мы не замедлили проявить взаимное упрямство своихъ характеровъ. Она думала найти во мнѣ поборника ея каждой мысли, подобно моему старшему брату М., но на первыхъ же шагахъ должна была разстаться съ своими предположеніями и ограничиться только нѣкоторыми уступками съ моей стороны по причинѣ первой встрѣчи послѣ столь продолжительной разлуки. Вечеромъ, этого же дня, зашла къ намъ молодая наша родственница, которую я тоже не зналъ, но ея фамильярное обращеніе при первой встрѣчѣ, озадачивъ меня сначала, дало возможность на первыхъ же порахъ съ нею сблизиться и войти въ дружественныя отношенія.

Послѣ ея прихода явилась та же барышня, которая при моемъ появленіи такъ быстро скрылась. Въ ней я узналъ

А. Ж., подругу сестры. Ея видъ мнѣ понравился, и я съ перваго же дня составилъ себѣ планъ атаки, словомъ, я рѣшился за нею ухаживать. Ея голубые глаза, часто обращаемые на меня съ первой минуты нашего знакомства, убѣждали меня въ возможности моего намѣренія. Между нами не замедлила установиться дружба, и мы поступали во взаимныхъ обращеніяхъ, какъ родные. Съ какимъ упоеніемъ я проводилъ вечера въ ея присутствіи, съ какимъ восторгомъ я по временамъ въ уединеніи цѣловалъ ея алыя щеки и съ какимъ увлеченіемъ я смотрѣлъ и любовался ея прекрасными глазами. Я былъ влюбленъ и былъ любимъ. Все это довершало пріятность, съ какою я провелъ эти праздники. Съ чрезвычайнымъ чувствомъ восторга я всегда наслаждался воспоминаніемъ объ одномъ довольно странномъ случаѣ, но вполнѣ льстящемъ моему самолюбію. Случай этотъ былъ слѣдующій. Въ одинъ праздничный день, мы, выйдя изъ церкви, зашли къ Ч., нашимъ родственникамъ, куда пришли и многіе наши знакомые, между которыми и одинъ молодой человѣкъ А. Д., страстно влюбленный въ предметъ моего обожанія. Обрадовавшись случаю, доставившему ему возможность ее видѣть, онъ неотступно преслѣдовалъ ее своими чувствительными выраженіями, отъ которыхъ она видимо убѣгала, и на ея лицѣ выразилась досада. Это меня побудило принять на себя роль явнаго соперника, пользующагося ея расположеніемъ. Мое дружеское обращеніе съ нею, веселый разговоръ его озадачили и взволновали. Но я рѣшился взбѣсить его окончательно и придумывалъ средства, какъ бы осуществить свои желанія. Въ эту минуту въ моей головѣ блеснула самая смѣлая и поразительная мысль, которая могла быть только оправдана тѣмъ, что общество состояло только изъ нашихъ родныхъ. Тамъ были три сестры и молодая тетушка, которыя составляли кружокъ молодежи. Я затѣялъ съ ними цѣловаться, къ чему онѣ большія охотницы. Совершивъ такимъ образомъ обрядъ лобзанія съ ними, я обратился къ А. Ж., объясняя свой поступокъ тѣмъ, что я ее считаю тоже своею сестрою. Она долго отказывалась по своей скромности, но присутствіе дяди моего К. Д. помогло мнѣ достигнуть своего намѣренія. Я поцѣловалъ ее и въ эту минуту почувствовалъ, что А. Д. своими глазами старается пронзить меня и уничтожить на мѣстѣ. Я торжествовалъ. Онъ же, видя такой быстрый успѣхъ моего чувствительнаго проявленія, оставилъ все въ покоѣ и пришелъ къ тому заключенію, что въ теченіе моей бытности

въ Р. всѣ его поиски будутъ напрасны. Между тѣмъ я все время своей бытности въ Р. наслаждался эстетическимъ чувствомъ преданности лица, къ которому я сильно былъ расположенъ.

Кромѣ домашнихъ развлеченій, которыя происходили отъ благопріятной обстановки, я еще предавался удовольствію, бывая ежедневно на вечерахъ, гдѣ складно и гармонически сложенное общество не давало возможности скучать. Въ половинѣ этихъ каникулъ, я, воспользовавшись открывшимся случаемъ, уѣхалъ въ М. Вся дорога прошла въ воспоминаніяхъ о недавно оставленномъ мною образѣ жизни. Всѣ лица, окружавшія меня, чередовались попеременно въ моемъ воображеніи, и чѣмъ разстояніе отъ нихъ дѣлалось больше, тѣмъ грустнѣе становилось на душѣ. Одно только меня успокаивало и примиряло съ моимъ отъѣздомъ—это желаніе видѣться съ родителями и родными, а также видѣть лицъ, съ которыми общеніе было немалымъ для меня наслажденіемъ, потому что и тамъ чувствованія находили для себя пріютъ.

Я пріѣхалъ въ М. совершенно неожиданно, при чемъ, пользуясь позднею порою моего въѣзда, я хотѣлъ сдѣлать для родителей маленькій сюрпризъ. Для этого я велѣлъ извозчику въѣхать тихо во дворъ и отправился самъ во флигель, гдѣ кромѣ служанки никого больше не нашелъ. Я сейчасъ же затѣялъ одѣваться, чтобы нечаянно войти въ залъ занимаемаго родителями дома, который былъ занятъ гостями, и тѣмъ всѣхъ удивить. Но мнѣ это не удалось: служанка сейчасъ же побѣжала въ домъ и объявила, что пріѣхалъ какой-то чиновникъ. Братъ мой, М. В., сейчасъ же прибѣжалъ во флигель, удивился моему присутствію и едва успѣлъ поздороваться, какъ нетерпѣніе сообщить всѣмъ о моемъ пріѣздѣ заставило его убѣжать снова въ домъ, послѣ чего явились мать и сестра и, давъ мнѣ нѣсколько минутъ, чтобы немножко измѣнить свой костюмъ, увлекли меня въ домъ, гдѣ я нашелъ отца съ истинно родительскимъ привѣтомъ и мадамъ К. съ дочерью, предметомъ моихъ грезъ и мечтаній. M-lle М. К. видимо довольна была своему прибытію въ нашъ домъ, имѣя первая возможность меня видѣть, такъ какъ она была ко мнѣ неравнодушна. Послѣ нѣсколькихъ обоюдныхъ фразъ, сказанныхъ мною и всѣми присутствующими, я съ m-lle М. К. отдѣлились въ укромный уголокъ и начали уноситься мыслями въ волшебную область воспоминаній. Мы, бесѣдуя, чувствовали какое-то непонятное довольство души и не замедлили

высказать нашего взаимнаго расположенія. Въ эту минуту все прошедшее вспомнилось, только въ иныхъ формахъ. Воображеніе мое рисовало недоконченную прядь юношескихъ чувствъ, и, казалось, эта минута была одною изъ тѣхъ, которыя даются природою человѣку въ вознагражденіе всѣхъ невзгодъ и непріятностей, перенесенныхъ въ періодъ прошедшей жизни.

Пріятно, весело и съ полнымъ удовлетвореніемъ юношескимъ моимъ стремленіямъ пролетѣли дни, проведенные мною въ М. Мы съ братомъ уговорили отца поѣхать въ Р., на что онъ, къ нашему полному удовольствію, согласился. На третій день послѣ новаго года мы выѣхали изъ М. и по дорогѣ заѣхали къ родственнику нашему П., гдѣ общество трехъ молодыхъ дѣвицъ, веселаго старика и добродушной старушки до такой степени насъ расположили къ себѣ, что мы не хотѣли даже уѣзжать изъ ихъ дома и съ особеннымъ удовольствіемъ провели бы у нихъ еще нѣсколько дней. На второй день послѣ выѣзда изъ ихъ дома мы пріѣхали въ Р. и заѣхали въ свой домъ, занимаемый Я. Н. Б. Хозяина и хозяйки мы не нашли дома, а потому я, какъ болѣе знакомый со всѣми домашними, распорядился на счетъ чая, который былъ для насъ необходимъ послѣ столь непріятнаго по причинѣ холода путешествія, неудобство котораго сдѣлалось для насъ болѣе ощутительнымъ, когда мы выѣхали въ поля, окружавшія городъ. Вѣтеръ и морозъ производили на насъ довольно замѣтное ощущеніе.

Черезъ нѣсколько часовъ явились хозяева, и мы, откушавъ вмѣстѣ съ ними чай, отправились къ Л. С. Е. Было уже темно. Голоса пѣвицъ, встрѣчаемыхъ нами подъ окнами почти каждаго дома, разнообразили нашъ путь. Все это невольно напомнило намъ наше прошедшее пребываніе здѣсь. И вотъ почти цѣлый родъ соединился въ одинъ кружокъ въ томъ городѣ, который считался мѣстомъ рожденія всѣхъ живыхъ членовъ этого рода. При всемъ стараніи продолжить время, наполненное пріятными минутами, оно летитъ и влечетъ за собою новыя картины жизни. Отецъ съ братомъ послѣ трехдневнаго пребыванія въ Р. уѣхали, оставивъ меня, собирающагося тоже въ дорогу. Спустя нѣсколько дней послѣ ихъ выѣзда уѣхалъ и я въ Кіевъ, полонъ разнообразныхъ воспоминаній и съ запасомъ новыхъ силъ для своей дѣятельности.

Разставаясь съ товарищами, съ которыми я ѣхалъ въ Р., мы условились и назадъ ѣхать вмѣстѣ. По этой причинѣ я вмѣстѣ съ тетушкою Э. И., которая желала погостить немного

въ деревнѣ у В., отправились на нанятыхъ лошадяхъ къ нимъ. Тамъ я пробылъ всего одинъ день, и, распрощавшись съ окружавшею мѣстностью, лицами, напоминавшими мнѣ свѣжопрошедшее время, вмѣстѣ съ К. В. уѣхалъ въ Кіевъ. По пріѣздѣ въ этотъ городъ, мы нашли еще одного товарища и, занявъ довольно выгодную квартиру, предались всѣмъ существомъ своимъ наукѣ, развлекаясь только позднею порой пѣснями, которыя мы любили пѣть для успокоенія напряженнаго ума.

Въ домѣ, въ которомъ мы квартировали, жила какая-то загадочная личность. Это былъ нѣкто П., именовавшій себя надзирателемъ въ отставкѣ. Ежедневно въ окошкѣ его комнаты, выходящемъ на улицу, была приклеена роспись вещамъ, продаваемымъ имъ за очень сходную цѣну, по причинѣ необходимости скоро оставить городъ К., какъ было сказано въ его объявленіи. Однако, въ теченіе пяти мѣсяцевъ, которые онъ прожилъ съ нами въ одномъ домѣ, онъ ни разу не затѣвалъ уѣзжать. Грубое обращеніе съ нимъ хозяина, его подозрительные поступки, изобиліе разныхъ мелочныхъ вещей, которыми были завалены его комнаты, невольно возбуждали въ насъ подозрѣніе, вслѣдствіе котораго мы потеряли къ нему всякое уваженіе. Впрочемъ, до вызваннаго имъ же нижеозначеннаго случая мы не имѣли съ нимъ никакого столкновенія. Этотъ случай былъ слѣдующій: однажды ночью, мы, по обыкновенію своему, послѣ занятій, начали пѣть различныя пѣсни. Это, какъ видно, вывело его изъ терпѣнія, и онъ черезъ стѣну началъ осыпать насъ дерзкими словами. Это была искра, брошенная въ ящикъ съ порохомъ. Перебранка была жестокая, послѣ чего мы начали его преслѣдовать на каждомъ шагу и ввели его въ такое состояніе, что онъ долженъ былъ сидѣть взаперти въ своей комнатѣ и только въ случаѣ надобности черезъ окошко пробираться на улицу.

Такое обращеніе съ нимъ заставило его прибѣгнуть къ покровительству нашего начальства. Онъ жаловался на насъ попечителю округа, который командировалъ субъ-инспектора Б. для изслѣдованія этого дѣла. Однажды утромъ мы, неодѣтые совершенно, занимались однимъ изъ факультетскихъ предметовъ. Въ это время является къ намъ субъ-инспекторъ. Съ самаго начала онъ довольно вѣжливо разговорился съ нами о предметахъ, которые далеко были отъ цѣли его посѣщенія, но потомъ онъ безъ всякихъ разспросовъ началъ укорять насъ въ нашемъ неприличномъ поведеніи относи-

тельно чиновника и вдругъ вывелъ такія заключенія, что, сличивъ самое дѣло съ заключеніями, нельзя было не удивиться столь гиперболическому представленію. Это насъ разсмѣшило, и мы не могли дать на его вопросы удовлетворительныхъ отвѣтовъ. Это заставило его отправиться къ П., гдѣ онъ просидѣлъ болѣе часа. Что онъ дѣлалъ у него, для насъ осталось неизвѣстнымъ, но этотъ его поступокъ вполнѣ далъ намъ возможность торжествовать надъ нимъ. Когда онъ вышелъ изъ квартиры П. и вошелъ въ нашу комнату, мы отказались отвѣчать ему на его вопросы, основываясь на томъ, что онъ не хотѣлъ прежде выслушать насъ, а отправился къ П. Этотъ нашъ поворотъ дѣла такъ его озадачилъ, что онъ, вопреки своему желанію, принялъ нашу сторону и, оправдавъ насъ въ глазахъ высшаго начальства, заставилъ хозяина отказать П. въ квартирѣ, если онъ только желаетъ, чтобы у него квартировали студенты.

(Продолженіе слѣдуетъ).